

Талантливый детектив

Марта Таро

ЭХО ЧУЖИХ ГРЕХОВ

Галантный детектив

Марта Таро

Эхо чужих грехов

«ВЕЧЕ»

2017

Таро М.

Эхо чужих грехов / М. Таро — «ВЕЧЕ», 2017 — (Галантный детектив)

ISBN 978-5-4444-8609-2

1811 год. В тихой жизни богатой южнорусской губернии одна за другой происходят настоящие драмы. Подозрительные смерти в богатейшей семье края насторожили генерал-губернатора, который поручает Щеглову во всём разобраться. Под подозрение попадает юная наследница семьи. Всё достается ей: имения, деньги, даже жених сестры – светлейший князь. Но Щеглов хочет понять, что движет преступником. Алчность? Месть? Или всё-таки любовь? «Эхо чужих грехов» – новый интригующий роман Марты Таро из увлекательного цикла «Галантный детектив». Автор открывает читателю ещё одну карту в судьбоносном раскладе «Кельтский крест» и задаёт новую загадку.

ISBN 978-5-4444-8609-2

© Таро М., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	13
Глава четвертая	18
Глава пятая	22
Глава шестая	26
Глава седьмая	32
Глава восьмая	35
Глава восьмая	39
Глава девятая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Марта Таро

Эхо чужих грехов

© Таро М., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Глава первая

Гибель любовников

Петербург

15 июня 1811 года

Лукреция не закрывала шторы. Никогда. А если ходила голой, то так и липла к окнам. В этом упоении своей наготой была какая-то перчинка, грязноватый, будоражащий кровь душок. На взгляд Михаила Бельского, забавная причуда лишь украшала его любовницу.

Сказать по чести, внешность сеньориты Талли была далека от классических канонов. Откуда у чистокровной итальянки мог взяться вздёрнутый нос? А широкие скулы? Мощные формы и белейшая кожа скорее подошли бы немке или австриячке. С кем же успела пошалить весёлая тосканская мамаша, прежде чем родила это чудное и порочное создание? Бог весь, но игра стоила свеч! В плотских утехах Лукреция не знала равных – что по отменной сноровке, что по редкостному аппетиту.

«Однако на сегодня хватит – ещё малость, и от всех этих изысков можно будет протянуть ноги», – прикинул Михаил. Уже спокойно, без жара в крови, наблюдал он за своей подругой. Лукреция поднялась с кровати и прошла до распахнутых окон эркера. Обнажённая женщина на фоне предрассветной Северной столицы, что может быть прекраснее? Граф залюбовался великолепной живой картиной. В пестроте неба смешались лилово-серые сгустки туч, а меж их краями расцвели все оттенки коралла, и эта немыслимая красота отразилась в воде. Светлый мрамор фасадов подкрасило алым, темнота под аркой моста сделалась таинственной, а чёрная тесьма решёток очертила гранит набережной. Белая ночь в Петербурге была упоительно прекрасна, но пышная роскошь женского тела затмевала её.

«Что за прелесть моя Лукреция! – с гордостью подумал Бельский. – Особенно сзади».

Круглые и гладкие, как огромные бильярдные шары, ягодички оказались самыми весомыми (во всех смыслах) аргументами, привязавшими русского графа к ложу страстной итальянки. В свою очередь сеньорита Талли быстро оценила широту души нового поклонника. Большая квартира на набережной Мойки, изобилие нарядов и драгоценностей и, конечно же, деньги. Причем без счёта! Иногда Михаилу казалось, что он содержит половину Тосканы и нужно хоть как-то пресечь это мотовство, но все попытки вести себя строго кончались бурными ссорами и его вынужденным монашеством. Бельский быстро сдавался и вновь открывал кошелек. Из-за Лукреции он просадил всё содержание за год вперёд и уже наделал долгов. На очередную просьбу прислать денег родители Михаилу, конечно же, не отказали, но вместе с вожделенным золотом в столице появилась и мать. Сообщив, что пришло время озаботиться поиском достойных партий, она привезла в Петербург обеих дочерей, а теперь донимала и Михаила. Графиня прямо заявила сыну, что тот должен подать хороший пример сёстрам и выбрать наконец спутницу жизни.

– Нет уж, маменька, увольте! Ищите женихов девчонкам, а меня оставьте в покое, – заявил Михаил.

Но не тут-то было. Мать принялась совать нос во все его дела, а деньги откровенно придерживала, спрашивая отчёта в тратах. Правдоподобное объяснение вроде покупки коня она принимала не чаще раза в неделю. Положение сложилось – хуже некуда. Михаил заметался. Играть? Но ведь он до сих пор всегда проигрывал! Это могло только усугубить дело. Выхода не было. Оставалось лишь принять условие родителей: приличный брак в обмен на финансовую свободу. Сразу после свадьбы отец обещал выделить Михаилу долю из имущества семьи.

«Может, потянуть ещё чуть-чуть?» – эта трусливая мысль приходила в голову по сто раз на дню, но, как говорится, перед смертью не надышишься. Остатки денег съела покупка выпрошенного Лукрецией ожерелья. Граф приобрёл эту рубиновую роскошь и уже вручил заветную коробочку любовнице, а теперь очень надеялся на её благоволение.

– Вернись ко мне, милая! – крикнул Михаил.

– Иду, иду, мой лев, – отозвалась Лукреция. Она покинула свой пост у распахнутых окон и вернулась в постель с двумя бокалами вина, и, отпив изрядный глоток из одного, второй протянула любовнику: – Подкрепи силы, они тебе ещё понадобятся...

Боже, какая пошлятина! Опять закрутилась прежняя шарманка: итальянку волновали лишь страсть и деньги. Ни того, ни другого у Бельского уже не осталось. Раздражение поглотило остатки благодушия, и Михаил жёстко заметил:

– Сейчас не время для глупостей. Мне нужно с тобой поговорить!

– В чём дело? – насторожилась Лукреция.

Она прекрасно понимала, что в своих требованиях давно перешла все мыслимые границы, но на это у неё имелись веские причины. Итальянка влюбилась, и предметом её страсти был отнюдь не граф Михаил. Зато Бельский не скупился, и ушлая женщина хотела побыстрее выпрясти из него всё, что только можно. Она ведь не зря слонялась обнажённой у открытых окон: мужчины сумели оценить её красоту. Записочки с предложениями одно выгоднее другого уже не раз оставляли у её дверей, и Лукреция даже выбрала себе на будущее новую «дойную корову». Неужели время пришло? Итальянка взгляделась в глаза любовника и поняла, что дело обстоит именно так.

– Родители хотят меня женить, – признался Бельский.

– А как же наша любовь? – тоном избалованного ребёнка заныла Лукреция.

– Для нас с тобой ничего не изменится! – Главное было сказано, и женщина не устроила истерики. Мысленно поздравив себя, Михаил выпил вино, поставил бокал на столик у кровати и обнял свою пассию. – Ты будешь жить так, как привыкла. Я по-прежнему стану оплачивать твои счета, и, что особенно приятно, моё состояние увеличится.

Граф ожидал вопросов, но их не последовало. Он с удивлением взглянул в лицо любовницы и поразился. Женщина крепко спала.

«Ну вот и ответ на мои подозрения! – попенял он себе. – Дурак, считал, что Лукреция – хитрая и алчная сучка, а она засыпает сном ангела, когда речь идёт о деньгах».

Как же это оказалось приятно и трогательно! Михаил прижался лбом к гладкому белому плечу и с облегчением вздохнул: все обойдётся, он справится с житейскими невзгодами, а счастлив будет здесь, в этой спальне с глядящими в белую ночь незашторенными окнами. Сон закрыл ему веки, ещё мгновение – и Бельский ускользнул в уютные объятия Морфея.

Четверть часа спустя дверь спальни тихо приоткрылась. Кто-то долго стоял во тьме коридора, прислушиваясь к ровному дыханию любовников. Наконец визитёр решился и шагнул в комнату. Широкий чёрный плащ с капюшоном делал фигуру вошедшего похожей на бесформенный кокон. Что же до лица, то его закрывала чёрная полумаска, выставляя напоказ лишь маленький яркий рот и округлый подбородок.

Человек в маске на цыпочках подошёл к кровати – к той стороне, где спал граф. Незнакомец взгляделся в спокойное лицо Бельского: тот улыбался во сне.

«Так даже лучше, – подумал незванный гость. – Пусть бедолага умрёт счастливым».

Человек вынул из-под плаща длинный клинок. Один мощный удар, и кинжал по самую рукоять вошёл в тело, словно в кусок масла. Бельский захрипел, кровавая пена запузырилась на его губах, но веки даже не дрогнули. Желание убийцы исполнилось: граф умер во сне. Теперь пришла очередь женщины. Преступник знал, что и она не проснётся. Он сам позаботился о том, чтобы эти двое голубков сегодня спали крепко-крепко. Добавленный в вино порошок, не подвёл злоумышленника. Будь его воля, он оставил бы Лукрецию в живых, но против приказа

был бессилен. Резким движением убийца выдернул нож из груди графа. Замавав белизну простыней, хлынула кровь.

«Бить Лукрецию грязным ножом, как свинью на бойне?! Она этого не заслужила...»

Злоумышленник склонился над спящей женщиной. Хотел пощадить её, и не мог – не имел права. Он вытер лезвие кинжала о край простыни. Влажная сталь хищно блеснула. Убийца поднял кинжал, и тут глаза женщины открылись. Оторопев, преступник замер, и этого мгновенья хватило, чтобы Лукреция узнала его.

– Ты?! – закричала она и, поняв, что всё кончено, завизжала.

Злоумышленник нанёс удар. Крик оборвался. Трёх минут хватило, чтобы достать из тайников драгоценности и деньги, а потом обшарить карманы графа. Выйдя через гардеробную, убийца исчез в дверях чёрного хода. Ему повезло: он разминулся с кухаркой и горничной. Те, боязливо толкая друг друга, продвигались по коридору к спальне. Преступник задержался под распахнутыми окнами и, когда оттуда донеслись отчаянные вопли служанок, понял, что интрига закрутилась. Пора было уносить ноги, что он и сделал.

Чёрной бабочкой слетела на розовеющую воду сброшенная полумаска и, подхваченная течением, уплыла под свинцовую тень моста.

Глава вторая

Катина тоска

Имение Бельцы

1 декабря 1811 года

Небо затянули свинцовые тучи, а потом зарядил снегопад. Ветер за стеклом зимнего сада гнул и трепал обнажённые чёрные ветви. Крупные влажные хлопья отчаянно бились в стекло, будто просились под крышу – в тепло славного натопленного барского дома. Раньше Катя любила эту игру: сквозь резную зелень блестящей листвы следить за круговоротом снежинок, но теперь ей казалось, что снег засыпает не землю, а её саму, покрывает холодным саваном душу, а может, и жизнь. Горе уже давно переросло в отчаяние, и Кате хотелось лишь одного: заснуть и уже не проснуться, чтобы во сне Бог забрал её к маме. Пусть так и будет, а весь этот ужас закончится уже без неё.

Еще полгода назад семья графов Бельских (одна из знатнейших в богатой южнорусской губернии), по общему мнению, слыла необычайно счастливой. Огромное имение, процветавшее радением графа Павла Петровича, и большое приданое, принесённое его любимой женой Натальей Сергеевной, сделали Бельских на редкость состоятельными. Это богатство, помноженное на знатность рода, выдвинуло детей счастливой четы – гусарского ротмистра Михаила и восемнадцатилетнюю Ольгу – в самые завидные партии светского сезона 1811 года. Мать собиралась до осени найти пары старшим детям, а младшую дочь – семнадцатилетнюю Катю – показать «в узком кругу» с прицелом на будущее.

В начале января графиня вместе с дочерьми прибыла в Петербург и, как всегда во время своих визитов в Северную столицу, остановилась в просторной квартире, занимавшей весь первый этаж принадлежавшего Бельским дома на Невском. Два верхних этажа обычно сдавали внаём, а первый держали для нужд семьи, так что в столице, в отличие от многих провинциалов, стремящихся в Петербург на «светский сезон», Бельские жили свободно и с удобствами. Правда, в этом году квартиру облюбовал Михаил и уговорил родителей разрешить ему отдыхать здесь от тягот полковой жизни. Приехав, мать лишь вздохнула, обнаружив на коврах и мебели явные следы армейских пирушек. Впрочем, Наталья Сергеевна собиралась положить этому беспутству конец: в самое ближайшее время она надеялась поговорить со своим любимцем о том, что пора остепениться, перестать швыряться деньгами, а самое главное, пора завести семью.

Планы матери по воспитанию их старшего брата мало волновали юных графинь Бельских. Они с замиранием сердца ждали первых приглашений, визитов и балов. Перед отъездом из дома специально нанятая французская портниха мадам Леже сшила двум барышням наимоднейшие платья. Драгоценностей в шкатулках графини Бельской хватило бы и на десяток дочерей, так что Ольге и Кате оставалось лишь одно: войти в светское общество и покорить его.

Радостно встретивший родных Михаил выслушал тираду матери о семейной жизни, расхохотался и наотрез отказался даже говорить о женитьбе. Пришлось Наталье Сергеевне временно отступить. Она кинулась собирать сведения о жизни сына. Верные подруги сообщили ей прескверную новость: Михаил уже третий месяц содержит лучшее сопрано итальянской оперной труппы – сеньориту Талли. Подруги в священном ужасе закатывали глаза и сочувствовали бедной Наталье Сергеевне, но при этом каждая из них выражала желание познакомить Михаила со своей милой дочкой.

«Быстро Мишеля не переубедить, – смирилась-таки Наталья Сергеевна. – Сын упёрся и теперь станет перечить, лишь бы настоять на своём». Оставалось одно – действовать тайно,

но бить точно, и мать придумала способ, как затруднить Михаилу доступ к деньгам. Графиня резонно надеялась, что алчная певичка сама бросит её обедневшего сына. Ну, а пока суд да дело, Бельская занялась поиском жениха для старшей дочери. Ольга – яркая темноглазая брюнетка с лицом римской статуи и великолепной фигурой – по праву считалась одной из самых красивых дебютанток. Отец объявил, что даёт за ней сто тысяч золотом, и теперь Наталья Сергеевна предвкушала блистательный триумф своей дочери.

Сезон захватил Бельских. Весёлые праздники сменяли друг друга, а мадам Леже, не разгибая спины, шила новые наряды. Усилия Натальи Сергеевны увенчались успехом – Ольгу обхаживали две дюжины кавалеров.

– Слушай своё сердце, милая, и тогда ты обретёшь такое же счастье в браке, как я с твоим отцом, – поучала графиня дочку.

Наконец Ольга призналась, что ей по сердцу князь Андрей Шаховской – единственный наследник родителей и писанный красавец. Князь ухаживал серьёзно: танцевал с Ольгой на всех балах и ежедневно ездил в дом с визитами. Со дня на день Бельские ожидали от него предложения руки и сердца.

Это счастливое время закончилось пятнадцатого июня. В полдень в квартиру на Невском прибыл порученец от столичного губернатора и попросил о встрече с Натальей Сергеевной. Тотчас приглашённый войти, он сообщил хозяйке дома ужасное известие, что нынче ночью вместе со своей любовницей был зарезан граф Михаил. Поскольку из квартиры пропали все ценности, полиция подозревала ограбление и собиралась искать преступников.

Услышав это, графиня дико закричала и рухнула без чувств. На шум прибежали дочери, горничные и мадам Леже. Все начали хлопотать вокруг упавшей Натальи Сергеевны, а принесший страшную весть офицер тихо откланялся и поспешил покинуть осиротевший дом.

Никаких преступников так и не нашли, а убитые горем Бельские отправились домой – хоронить Михаила рядом с могилами предков.

Бедная графиня так и не оправилась от ужасной потери. Она заперлась в своей спальне, отказывалась видеть родных, даже её любимица Катя лишь изредка могла попасть в комнату матери. Если б не помощь мадам Леже, имевшей к страдальце какой-то подход, Бельские не знали бы, что и делать.

Сидя перед портретом сына, Наталья Сергеевна плакала и часами рассказывала француженке о своём Мишеле. Как жалела теперь графиня о прошлом, как корила себя за последнюю размолвку с первенцем! Зачем было перечить мальчику и ссориться с ним?

– Бог отпустил Мишелю так мало лет, а я, его мать, не смогла это предвидеть. У меня даже предчувствия никакого не было! – терзалась она.

Графиня не прощала себя, и это её убивало. Мадам Леже утешала хозяйку и умоляла хотя бы немного поесть, но Наталья Сергеевна не могла даже смотреть на пищу. Наконец француженка сдалась и сообщила графу, что не в силах накормить его супругу:

– Ваше сиятельство, я не могу применять к графине силу, но уже вижу, что этого не избежать. Возможно, что из рук любимых дочерей хозяйка сможет принять пищу, а если этого не случится, то напор со стороны барышень не так её оскорбит.

Павел Петрович настоял, чтобы дочери кормили мать, пусть даже и через силу, но графиня проявила недюжинную волю. Все усилия домочадцев оказались напрасными: Наталья Сергеевна впала в забытие и через неделю тихо скончалась, не приходя в сознание.

Этот удар подточил здоровье старого графа: сердце его не выдержало, и он слёг. Теперь Ольга и Катя попеременно дежурили у постели отца, пытаясь подбодрить его, настроить на выздоровление. Осознав, что род угасает, а дочери останутся в этой жизни с неустроенной судьбой, Павел Петрович захотел обвенчать Ольгу с выбранным женихом. Но тут выяснилось, что после случившегося Шаховские передумали родниться с семьёй Бельских и, поскольку их сын не сделал официального предложения, посчитали себя свободными от всех обязательств.

Предательство жениха разбило Ольгино сердце. Она побледнела как смерть, но всё-таки смогла выговорить:

– Что ни делается – всё к лучшему! Рано или поздно тёмные стороны души Шаховского вышли бы наружу, а если бы мы поженились, что-то исправлять было бы поздно. Господь спас меня от завидной судьбы!

Однако слова остаются словами, но что делать с собственным разбитым сердцем – Ольга не знала. Она похудела и подурнела так, что в ней невозможно было узнать гордую красавицу, ещё три месяца назад танцевавшую на столичных балах. Теперь Ольга пропадала в ближайшем женском монастыре, выстаивая там все службы.

Заботы об отце легли на плечи Кати. Она целыми днями просиживала у постели графа, читала ему, поила чаем, давала лекарства, пыталась развеселить, вспоминая милые времена своего детства. Может, случилось чудо, или помогла любовь дочери, но через два месяца после смерти жены Павлу Петровичу наконец стало легче, и он начал подниматься с постели.

– Катюша, я знаю, зачем Всевышний вернул мне силы, – однажды признался граф. – Дело в том, что я не успел выполнить свой долг. Мой род угасает, и если сейчас не поторопиться, то имения и титул со временем отойдут казне, а как вы станете жить одни-одинешеньки, мне страшно даже подумать. Помоги мне, напиши письмо государю.

Катя согласилась, и отец продиктовал ей послание к императору. Павел Петрович умолял государя о милости: выбрать подходящего жениха для графини Бельской с тем, чтобы в последствии передать титул по женской линии. Отправив письмо, старик велел пригласить друзей – отца и сына из соседнего имения – и в их присутствии продиктовал завещание, по которому имение Бельцы вместе с титулом отходило мужу старшей дочери, а остальное имущество делилось поровну и передавалось его детям без всяких условий. Соседи заверили завещание графа своими подписями, и бумагу тут же переправили в канцелярию генерал-губернатора.

Исполнив свой долг, граф с нетерпением ждал ответа государя. В середине ноября фельдъегерь привез в Бельцы царский указ о том, что титул Павла Петровича после его смерти будет передан по женской линии супругу старшей из замужних дочерей. В приложенном к указу письме император сообщал, что он сам выберет для графини Бельской достойного жениха, и это будет состоятельный молодой человек, по благородству рода не уступающий невесте. О принятом решении должен был рассказать сам жених. Государь обещал, что молодой человек прибудет в Бельцы не позднее Рождества.

Казалось, что тучи над многострадальной семьёй стали потихоньку рассеиваться. Павел Петрович уже чувствовал себя лучше, однако его пугало безразличие Ольги к собственной судьбе. Дочь не хотела ни думать, ни говорить о предстоящем браке. Не выпускала из рук молитвослов и оживала лишь на церковной службе.

– Дочка, подумай о нас с Катей, – просил граф, – я болен, могу умереть в любую минуту. Твоя сестра совсем молода. Вам обеим нужна защита. Прошу тебя, встретить по-доброму выбранного государем жениха.

– Хорошо, батюшка, – не поднимая глаз, кивала Ольга, – на все воля Божья, если Всевышний захочет, ваше желание исполнится.

Граф понимал, что иссохшая богомолка, в которую превратилась Ольга, скорее всего, испугает и оттолкнет жениха. Но что с этим можно было сделать? Обратно не отыграешь...

Через две недели после получения указа от выбранного жениха по-прежнему не было ни слуху ни духу. Ольга собралась ехать в монастырь. Отец попросил её отвезти письмо матери-игуменье.

– Не буду скрывать, что прошу матушку помочь мне и уговорить тебя благосклонно отнестись к вынужденному браку, – признался Павел Петрович. – Я верю, что ты ещё обретёшь своё счастье.

Ольга не стала спорить, она лишь взяла письмо и вышла.

К вечеру во двор графского дома въехали монастырские дроги, с них слезла закутанная в чёрное покрывало мать-игуменья. Она сообщила Бельским ужасную вест: при подъезде к монастырю что-то случилось с кобылой, запряжённой в коляску графини. По словам кучера, лошадь вдруг будто взбесилась, встала на дыбы, а потом рванулась, не разбирая дороги, перевернув экипаж. Бедняга-кучер при падении сломал обе ноги, а Ольга погибла на месте.

– Мы положили графиню в нашем храме, и сейчас сёстры читают над ней псалтирь, – сообщила мать-игуменья, а потом призналась: – Для меня не было секретом, что ваша дочь очень хотела уйти в монастырь, и лишь долг перед семьёй не позволял ей сделать этого. Решать вам, но мне кажется, что графиня Ольга была бы счастлива лежать в приделе монастырского храма.

Монахиня оглянулась на побледневшую Катю, а потом взглянула на графа, ожидая его решения. Бельский попытался что-то сказать и не смог. Рот его задергался в странных конвульсиях, но бился лишь правый угол, а левая сторона осталась неподвижной.

– Боже мой! У его сиятельства удар! – закричала мать-игуменья.

Она кинулась к Павлу Петровичу и успела поддержать сползающее на пол тело. Катя бросилась ей на помощь, и вдвоем они смогли бережно опустить графа на пол. Слуги отнесли хозяина в спальню, а приехавший в поместье доктор подтвердил догадку монахини, сообщив, что после удара граф частично парализован.

– Тут уже ничего не поделаешь, – объяснил доктор Кате. – Но ваш отец ещё придёт в себя и, надеюсь, сможет говорить.

И впрямь, Павел Петрович очнулся, но ненадолго, а потом снова впал в забытё. Зато он успел сказать дочери, что теперь ей придётся самой принимать все решения вместо него. Катя лишь вздохнула. Знать бы ещё, что правильно, а что нет...

Ольга навсегда упокоилась в том самом монастыре, куда так рвалось её сердце, а вернувшаяся с похорон Катя не смогла сразу пройти к отцу. Как посмотреть ему в глаза? Какие найти слова?... Нет, только не сейчас! Надо собраться с мыслями и вернуть себе мужество. Хотя бы дрожь в руках унять. Раньше Катя всегда находила покой в зимнем саду. Под яркой зеленью высаженных в кадки вечнозелёных растений уходили прочь тревоги. Может, и сейчас получится?

Но чуда не произошло... Снег за высокими окнами зимнего сада всё валил, засыпая землю, а Кате казалось, что этот сияющий саван приготовлен для неё. Лечь бы и уснуть, и пусть ангелы унесут её душу к маме...

Шаги за спиной нарушили уединение. В дверях появился лакей.

– Ваше сиятельство, прибыл господин от самого генерал-губернатора! – взволнованно доложил он. – Барина спрашивает, говорит дело очень важное. Что ему сказать?

Вот уж не ко времени! Но не отправлять же губернаторского посланца назад несолоно хлебавши. Отец ведь предупредил, что дочке теперь придётся самой принимать решения.

– Проводи этого господина в голубую гостиную, я скоро приду, – велела Катя, а потом, вспомнив, что слуга не назвал ей имени визитёра, спросила: – А как зовут приезжего? Он что, не представился?

– Да нет же, ваше сиятельство, представился! Так и сказал: «Личный помощник генерал-губернатора, поручик Щеглов».

Глава третья

Поручик Щеглов

Бельцы оказались богатой усадьбой, в этом отставной поручик Щеглов разбирался со знанием дела – ведь он тоже был помещиком. Его Щегловка не тянула на полноценное имение: деревянный дом с мезонином да восемь крестьянских дворов, раскиданных по берегам мелкого ручья – вот и всё хозяйство. Не бог весть что, но Щеглов не роптал: привык довольствоваться малым, да к тому ж с младых ногтей пребывал на собственных хлебах – в армии. Бравый поручик и в мыслях не держал возвращаться в родительский дом, но судьба-злодейка сбила Щеглова на всём скаку: персидский клинок разрубил ему ногу так, что Пётр Петрович не смог больше ездить верхом. Пришлось выйти в отставку и возвращаться в родную губернию. Так и стал отставной военный помещиком. Со временем привык, распробовал приятное чувство быть самому себе хозяином и научился ценить простые радости от малых достижений в скромном хозяйстве. Свадьба с дочкой соседа стала завершающим штрихом в картине полной идиллии, которой уже стала казаться поручику жизнь в Щегловке. Поначалу так оно и было: молодые души не чаяли друг в друге, а когда Маша сообщила об ожидаемом прибавлении семейства, Щеглов пришёл в восторг. Да только не повезло ему – сынок родился недоношенным, а бедная Маша чуть не умерла в родах.

– Ой, барин, не жилец ваш мальчишечка, – заявила повитуха, – готовьтесь...

Все вокруг считали так же, и только хрупкая Маша встала на пути смерти. Отчаянно билась она за здоровье и жизнь своего драгоценного ребёнка и победила. В три года прозрачный от худобы Мишенька по уму казался старше своих ровесников, и у Щегловых появилась надежда, что сынок переборет телесную слабость – израстётся. Вот только доктора да лекарства стоили больших денег, а когда московское светило – известнейший врач, посетивший губернию проездом, – порекомендовал отправить ребёнка на воды в Карлсбад, поручик растерялся.

– Как нам быть, Петя? – спросила Маша и тут же подсказала ответ: – Надо ехать...

Щеглов и сам понимал, что надо. Да только где средства взять на эту заграницу? Продать имение? Быстро не продашь, если только совсем за бесценок. А самим как? Где потом голову приклонить? Маша ждала ответа, и Щеглов решился:

– Поедете весной, чтобы тепло было. Не дай бог дитя в дороге застудить. Урожай собрали, зерна мужикам до весны хватит, так что я теперь, можно сказать, свободен. Надо бы мне службу поискать. С жалованьем всё полегче будет.

Исхудавшее лицо жены осветилось улыбкой, и Щеглов поклялся себе, что вывернется наизнанку, но его семья поедет в вожаденный Карлсбад и будет жить там столько, сколько понадобится.

Помощь пришла от тестя. Старик обратился к генерал-губернатору – князю Ромодановскому, с которым сдружился ещё под Измаилом, рассказал о лечении внука и поездке на воды. Генерал-губернатор пообещал взять Щеглова на службу. Свободных вакансий в канцелярии не оказалось, и Ромодановский принял отставника личным порученцем. Объяснил:

– Присмотрюсь к тебе, голубчик, а потом придумаю, куда определить.

Щеглов ещё вчера перебрался на казённую квартиру при губернской канцелярии и приступил к службе, а сегодня ехал выполнять первое поручение. Навскидку дело казалось совсем простым: на полном ходу вылетев из коляски, погибла дочь графа Бельского. Такое бывает. Да и уездный исправник прислал рапорт, что имел место несчастный случай, но генерал-губернатора одолевали сомнения:

– Ты, Петруша, съезди туда, поговори со старым графом, – рассуждал Ромодановский. – Оно и понятно, что бедолаге сейчас не до разговоров, но как-то в той семье всё неладно.

Наследника в столице при ограблении убили, мать от горя умерла, а теперь ещё и старшая дочь. Рок какой-то. Ты уж деликатно поговори с хозяином. Не подвергай сомнению версию о несчастном случае, но сам по сторонам оглядись. В Бельцах ещё младшая дочка есть, теперь она – наследница. Нет ли её интереса в этих смертях? Семейство ведь из богатых. Мне докладывали, что сам граф очень плох – на ладан дышит. Не так давно завешание в канцелярию к нам прислал.

– Да сколько же лет этой наследнице? – удивился Щеглов. В его голове не укладывалось, что младшая дочь – как обычно бывает в семьях, общая любимица – вдруг принялась убивать родных в надежде завладеть всем имуществом.

Но губернатор его поправил:

– Лет младшей Бельской всего семнадцать, да не в этом суть. Девушка же! Значит, ищи рядом сердечного друга. Как же без него? Непременно найдётся... А кто таков? Не злоумышленник ли, прости господи?! Вот это ты и проверь да и к самой наследнице приглядишься.

Пришлось Щеглову собираться и ехать за тридцать вёрст в Бельцы. Ему ещё не доводилось бывать в этом – самом южном – уезде их огромной губернии, и сейчас Пётр Петрович с любопытством глядел в окно экипажа на прихваченные морозом бесконечные чёрные поля, на прозрачные безлистые рощи, поникшие под тяжёлыми свинцовыми тучами. Дело было не в местных красотах – они поручика не волновали, он на глаз определял размеры и плодородность угодий графа Бельского. По прикидкам Щеглова, земля у пострадавшего семейства имела в достатке, причём была исключительно чернозёмом.

До Бельцев Щеглов добрался уже почти в сумерках. Барский дом показался ему огромным: длинный крашеный охрой трехэтажный фасад замыкался с боков низкими флигелями. Налицо имелись все признаки богатства: мраморное крыльцо, греческий портик с колоннами, перед домом – большой фонтан. Двое мужиков как раз укутывали мешковиной мраморную скульптуру в его центре. Поручик поднялся на крыльцо, ему навстречу поспешил высокий старик в чёрной ливрее.

– Чего изволите, барин? – осведомился он, окинув гостя насторожённым взглядом.

– Я приехал от князя Ромодановского и должен повидать вашего хозяина, – сообщил Пётр Петрович и представился: – Личный порученец генерал-губернатора, поручик Щеглов.

– Сейчас доложу, – засуетился старик, – а вы в вестибюль пока пожалуйте.

Лакей провёл Щеглова в большой двусветный зал. Всё здесь было мраморным: колонны и пол оказались тёмно-зелёными, а лестница и настенные панели – белыми. Такую красоту могли позволить себе лишь очень богатые люди. Значит, и искушение для кого-то могло оказаться непреодолимым.

«Как же мне повидать наследницу, если я собираюсь беседовать с графом? – озабочился Щеглов. – Хорошо, если девушка будет рядом с отцом. А если нет?»

Но выбирать не приходилось: генерал-губернатор отправил Щеглова с поручением к хозяину дома. Поручик прошёлся среди мраморных колонн, добрался до лестницы и заглянул в оба коридора, ведущих от её подножия в глубину дома. Слуга, ушедший с докладом, как сквозь землю провалился. Маленьким угольком затлело, а потом разгорелось и заискрило раздражение. Ну и что всё это могло значить?! Неужто поручика Щеглова собираются выставить за дверь?

Оказалось, что нет. Вернувшийся после долгого отсутствия лакей сообщил:

– Извольте пройти в голубую гостиную... Её сиятельство сейчас к вам выйдет.

– Её сиятельство? – уточнил Щеглов. – Но я приехал к графу Павлу Петровичу.

– Без памяти наш барин лежит, совсем плохой стал после смерти дочери. Вас барышня примет. Она у нас теперь всё вместо батюшки своего решает, – доложил слуга и повёл визитёра по коридору.

Старик открыл дверь в большую нарядную комнату с множеством зеркал и золочёной французской мебелью. Обитые светло-голубым муаром стены подсказали Щеглову, почему гостиная носит такое название.

– Сейчас её сиятельство прибудет, – пообещал слуга и удалился.

– Подождём, – пробурчал Щеглов. Ему очень не понравилось заявление о том, что семнадцатилетняя графиня принимает здесь все решения.

На сей раз ждать пришлось недолго. По паркету прошелестели лёгкие шаги, и в дверях появилась одетая в траур девушка. Высокая и тоненькая, в чёрном платье, она казалась совсем тростинкой. Тёмный кружевной шарф покрывал её голову. Щеглов всмотрелся в глаза наследницы и осознал, что зря они с губернатором подозревали младшую графиню Бельскую. Такое лицо не могло иметь ничего общего ни с преступлением, ни со злом. Нежное и очень бледное, раньше это личико наверняка выглядело овальным, но сейчас, исхудав, сделалось совсем узким. На нём жили лишь глаза – огромные, в пол-лица, очень светлые (то ли голубые, то ли серые) в угольно-чёрных густых ресницах. В этих глазах, как в зеркале, отражались все чувства и мысли Екатерины Бельской. Сейчас в глазах читалось отчаяние. Щеглов не мог ошибиться. Такой взгляд он видел у собственной жены, когда их сын лежал при смерти.

«Господи, и что же мне теперь – мучить это дитя?» – спросил себя Щеглов. Он не знал, что ему делать, но девушка заговорила сама:

– Здравствуйте, сударь! Мне сказали, что вы приехали с поручением к графу Бельскому. Простите нас, но батюшка очень болен и не в состоянии принимать гостей. Может, я смогу помочь? Меня зовут Екатерина Павловна, я – дочь хозяина дома.

«А ведь она не прибавила слово “младшая”», – мысленно отметил Щеглов, и зародившиеся сомнения вдруг поколебали его уверенность в невиновности собеседницы. Барышня ждала ответа, и пришлось объяснять:

– Ваше сиятельство, я – личный порученец генерал-губернатора поручик Щеглов. Простите, что беспокою, но таков порядок. Ваша сестра трагически погибла, если в этом есть хотя бы доля чьей-то вины, в дело должно вмешаться правосудие.

Речь получилась слишком корявой, да к тому же не совсем понятной. Юная графиня уставилась на Щеглова, в её глазах теперь застыло недоумение. Барышня никак не могла взять в толк, о чём идёт разговор. Наконец в её глазах мелькнуло понимание:

– Вы решили, что виноват наш Силантий?

– А кто это?

– Кучер, – объяснила девушка и сразу отвергла своё же предположение: – Уверяю вас, он тут ни при чём. Силантий – человек немолодой и ответственный, он никогда не стал бы загонять лошадь. Он уже лет двадцать как служит в Бельцах кучером, на дорогах каждую выбоину знает, в том, что экипаж перевернулся, его вины нет.

Похоже, разговор разбередил свежую рану: на глаза юной графини навернулись слёзы. Они заблестели на ресницах, ещё чуть-чуть – и побегут по щекам. Щеглов поспешил отвлечь бедняжку:

– Вы можете не утруждаться сами, позвольте мне поговорить с этим Силантием, и я уеду. Где мне найти вашего кучера?

– Он над конюшней на сеновале лежит: у него обе ноги сломаны. Вас проводят.

Тонкая фигурка в чёрном устремилась к дверям, а Щеглову осталось лишь гадать, чем вызвано это бегство: боязнь расплакаться при постороннем или чем-то ещё? Уже напоследок поручик заметил настоящее чудо: по чёрному шёлку траурного платья каштановой змеей скользила толстая, в руку, коса ниже колен. Её кончик завивался волнистыми прядками.

«Ну надо же, какие волосы! Небось с рождения не стригли», – восхитился Щеглов.

Впрочем, девушка уже исчезла.

Выбранный хозяйкой провожатый – всё тот же старик в чёрной ливрее – отвёл гостя к конюшне и показал лестницу, ведущую на сеновал. Щеглов поднялся на чердак. Здесь было совсем темно, и поручик не сразу разглядел в дальнем углу прикрытую попонами фигуру. Немолодой мужик с болезненно-серым лицом настороженно глядел со своей лежанки.

– Ты Силантий? – спросил Щеглов.

– Я и есть! А чего, барин, надо?

– Расскажи мне о несчастье с графиней. Как всё случилось? Почему экипаж перевернулся?

– Так ведь лошадь понесла. Флора, язви её душу! С чего – не пойму, отродясь с ней хлопот не бывало. Видать, болезнь какая приключилась. Флора взбрыкнула, а потом у неё из рта пена пошла. Забилась бедная, заметалась, а следом на дыбы поднялась. Вот тогда и свалила коляску на бок. Тут уж Флора совсем обезумела, да как рванёт. Я-то как раз наземь свалился, так она мне колёса по ногам и протащила. Перебила обе кости, вот теперь лежу.

– А что с лошастью дальше было?

– Понеслась по дороге, но усакала недалеко – рухнула. Когда тамошние мужики на мои крики сбежались, они пошли на Флору глянуть. Вернулись и сказали, что бедняжка уже сдохла.

– А много ли времени прошло, пока мужики пришли?

– Да кто ж его знает, – вздохнул Силантий, – мне так показалось, что долго, думал, уж и не доживу.

Щеглов стал расспрашивать кучера о том, не болели ли в конюшне другие лошади и чем их в Бельцах кормят. По ответам пострадавшего выходило, что случай с Флорой оказался одним-единственным, все лошади в имении были здоровы, а подробный рассказ о кормах не вызвал у Щеглова никаких подозрений. Своих лошадей Пётр Петрович кормил так же.

«Съездить на место, посмотреть что к чему? – прикинул он. – Но до темноты ведь не обернусь». Однако ж и дело нельзя было завалить. Щеглов разыскал дворецкого и попросил выделить проводника, чтобы добраться до места трагедии.

– Не извольте беспокоиться, я вам сейчас мальчишку пришлю, – пообещал дворецкий и объяснил: – Как раз Васька из дальней деревни на усадьбу пришёл. Ему в ту же сторону, что и вам, нужно. Только пока доедете, пока дело сделаете, ночь ляжет. Можете у отца Васькиного заночевать, в той семье изба большая и чистая.

Щеглов забрал парнишку и отправился искать монастырь, до которого так и не доехала несчастная графиня Ольга. Путь оказался неблизким, и когда Васька указал поручику на место случившегося несчастья, уже совсем стемнело. Щеглов вышел из экипажа и осмотрелся. Морозец сковал землю, а начавшийся снегопад накрыл её пушистым белоснежным платом. Когда случилась трагедия, земля, как видно, была влажной, и перевернутая коляска оставила глубокие следы, а снег, высветлив их, сделал ещё заметнее.

«Вот здесь на дороге упал Силантий, – отметил Щеглов, а вон туда на обочину отлетела графиня».

Он прошёлся по следам волочения повозки. Взбесившаяся Флора смогла протащить её совсем недолго. В месте, где лошадь упала, всё оказалось затоптанным.

«Мужики постарались», – понял Щеглов, а проступившие сквозь ещё нетолстый пласт снега кровавые пятна подтвердили его догадку.

– Когда шкуру с лошади сняли? – спросил поручик.

Крутившийся рядом Васька отрапортовал:

– Да как Силантия в монастырь отвезли, так сразу сюда и вернулись. Чего добру пропадать? Шкуру сняли, а остальное вон там за кустами в яму покидали и сожгли. Есть-то нельзя. У кобылы вся морда в пене была, мой батя сразу сказал, что это – хвороба, уговаривал и шкуру не брать, так дядька Иван не послушал.

– Понятно... – произнёс Щеглов, хотя на самом деле пока ещё ничего толком не понимал. Что это за беда такая приключилась с лошадьёю?

Поручик вернулся к тому месту, где перевернулась коляска. Спросил парнишку:

– Здесь Силантий лежал?

– Аккурат тут, – важно подтвердил Васька и ринулся к обочине. – А барышня вот на этом месте!

Щеглов осмотрел глубокую вмятину на месте падения графини Ольги. Похоже, девушка упала на бок. По отпечатку тела Щеглов определил место головы и принялся разгребать снег. Его пальцы сразу же наткнулись на камень – огромный валун, почти невидимый за тонким слоем земли. Девушка была обречена.

Щеглов уже поднялся, когда ему показалось, что белое пятно на чёрном фоне наполовину отрытого камня имеет уж слишком правильную форму. Поручик разбросал снег и вдруг осознал, что видит размокший, но всё ещё запечатанный конверт. Понятно, кто его здесь потерял!

– Ух, ты, – присвистнул Васька. – Видать, у барышни из кармана вылетело...

Щеглов забрал письмо и прошёл к своему экипажу, где уже горели оба фонаря. Легко отделив печать, развернул листы. Это было письмо графа Бельского к матери-игуменье. Павел Петрович сообщал о скором браке своей дочери с избранником императора и просил монахиню о помощи.

«Да уж, – призадумался Щеглов, – если бы не гибель, графиня Ольга могла бы очень выиграть. Её отец сам пишет, что желает закрепить передачу титула по женской линии. Младшая сестра явно уступала столь удачливой старшей».

Поручик вспомнил огромные, полные муки глаза на истаявшем личике и устыдился. Ангелы не гоняются ни за деньгами, ни за титулами, им нужна только любовь. Такая девушка не станет участвовать в тёмных делах. А вдруг бедняжкой манипулируют или вообще действуют без её ведома с прицелом на будущее? Но тогда скоро должен объявиться жених. Мужчина может подобраться к богатствам Бельских, лишь женившись на их наследнице.

– Подождём... – пробубнил Щеглов. Ничего другого ему не оставалось.

Ветер, и до этого терзавший вершины деревьев, прибавил прыти, снегопад усилился, на глазах превращаясь в метель. Оставаться в такую погоду на улице было слишком рискованно.

– Ну что, Васька, возьмёт твой отец на постой? – осведомился Щеглов.

– А как же, барин, ясное дело, возьмёт, – пообещал парнишка.

Васька взобрался на козлы, губернаторский порученец скрылся внутри кареты, и экипаж покати к деревне. Случилось это на удивление вовремя: четверть часа спустя на месте недавней трагедии всюду бушевала метель.

Глава четвертая

Метель

Метель, чёрт бы её побрал! Снег валил, заметал дорогу, тучные чёрные поля и прозрачные перелески, засыпал спины еле бредущих коней и верх затерявшегося во мгле одинокого экипажа. То, что они сбились с пути, светлейший князь Алексей Черкасский понял ещё с час назад. После центра губернии широкая столбовая дорога начала сужаться, а снегопад, зарядивший сразу после полудня, сделал её чуть заметной. Короткий хмурый день быстро превратился в ночь, а экипаж так и не добрался до Ратманова.

– Всё, барин, стали! Дальше не пойдут. Надо распрягать! – крикнул с козел личный слуга князя, Сашка. В этой поездке он подвизался и за кучера.

– Ну что, деваться некуда, – отозвался Алексей. Он спрыгнул в снег и сразу увяз. – Бросим экипаж. Может, тогда хоть лошадей выведем.

Сашка кивнул в знак согласия и принялся расстегивать упряжь левой пристяжной. Алексей попробовал обогнуть тройку и наконец понял, что заехали они в чистое поле: ноги под снегом проваливались в раскисшую грязь. Оставляя на безупречно-белом снежном покрове безобразные чёрные следы, Алексей побрёл к правой пристяжной, распряг её, а потом и коренного – огромного светло-серого орловского рысака. Уставшие лошади стояли не шевелясь, и Черкасский усомнился, сможет ли Сашка их выводить.

Темень казалась непроглядной. Куда идти? Алексей попытался хоть что-то рассмотреть в этой крошечной мгле. Надежды не было.

– Что дальше делать, барин? – напомнил о себе Сашка. – Если вы возьмёте Ганнибала, я выведу Леду и Ласточку.

Алексей взял под уздцы коренного, сделал наугад несколько шагов, и вдруг в темноте вспыхнул слабый огонёк.

– Господи, спасибо! – обрадовался Черкасский и спросил кучера: – Видишь свет? Идем туда.

Могучий Сашка, ростом не уступавший очень высокому Черкасскому, но вдвое шире его в обхвате, потянул за собой пристяжных и двинулся вслед за хозяином.

Замерзшие люди и измотанные лошади продвигались по снежной целине с черепашьей скоростью, но путеводный огонёк не гас, а вёл к теплу и свету. Наконец из тьмы выступили смутные очертания какого-то строения. Оно оказалось деревенской церковью, слабый свет лился из её окон. Где-то левее хлопнула дверь.

– Подожди здесь, – велел князь Сашке, передав ему поводья. – Я сейчас договорюсь о помощи.

Черкасский двинулся вдоль стены и разыскал дверь. Вошёл. В церкви было полутемно, лишь возле иконостаса горели лампы. Их мягкий свет выхватывал из мрака двоих: седобородого батюшку и одетую в траур высокую женщину. Платье, шубка, меховая шапочка – всё на ней было чёрным. Женщина стояла спиной к двери, и лица её Алексей не видел. Он сделал шаг, и сразу же из тьмы бокового придела выступили двое рослых парней в одинаковых дублёных тулупах, а с ними – молодая хорошенькая девушка, по виду, служанка в богатом доме.

– Сюда нельзя, барин, – хрипло заявил один из парней, – батюшка занят, нельзя сейчас.

– Мы заблудились, – объяснил Алексей. – Что это за церковь? Какого села? И есть ли здесь где переночевать? Мои лошади выбились из сил, им необходим отдых.

– Вы можете заночевать в доме батюшки Иоанна, – подсказала девушка, – он скоро выйдет.

Говоря это, она продвигалась вперёд, пока не загородила собой проход меж двух колонн, парни, как по команде, стали с ней рядом. Конечно, с высоты своего роста Алексей и так видел всё, что происходит в церкви, но он решил не сердить эту деревенскую охрану, а отошёл к выходу и даже хлопнул дверью. Боковые приделы церкви терялись в тьме. Грех было не воспользоваться моментом. Бесшумной походкой бывалого охотника князь тихо прошёл вдоль стены и, сам оставаясь невидимым, встал напротив говоривших.

Старый батюшка что-то втолковывал склонившей голову даме. Из-за головы священника Алексей видел лишь гладкий лоб, край меховой шапочки и высокие брови, одного цвета с соболем. Скорбная поза женщины говорила о непомерном горе, свалившемся на хрупкие плечи. Батюшка перекрестил страдальцу и направился к её слугам. Дама осталась одна. Она подняла голову, Алексей увидел безупречный профиль и высокую лебединую шею. Незнакомка перекрестилась, приложилась к аналойной иконе и, повернувшись, сделала три шага в сторону бокового придела, где прятался Алексей.

Князь увидел её лицо и обомлел. Это была молодая девушка, самое большее – лет семнадцати. На нежном лице с высокими скулами сияли непролитыми слезами распахнутые глаза, Черкасский не мог разобрать, голубые или серые. Незнакомка остановилась перед образом, висевшим в простенке, и стала молиться. Алексей замер в тёмном приделе, боясь выдать своё присутствие.

Девушка перекрестилась и воскликнула:

– Матушка, Царица Небесная, прошу тебя, помоги! Спаси меня и мою семью! Пусть папа выздоровеет. Не забирай и его тоже.

Всхлипнув, знакомка приложилась к иконе и, развернувшись, быстро пошла к ожидавшим её слугам. Хлопнула дверь, все вышли. Алексей остался в церкви один.

Увиденное так поразило Черкасского, что он не сразу решился выйти, а когда открыл дверь храма, то на крыльце уже никого не было, а где-то слева за церковной стеной раздался, а потом стих глухой стук копыт. Догнать знакомку? Но от измученной тройки сейчас мало толку. Значит, не судьба...

Алексей вернулся к лошадям. Сашка попеременно гладил и ободрял их и возвращению барина очень обрадовался. Из-за угла церкви показался батюшка в овчинном тулупе, накинутом поверх облачения. Спросил:

– Кто вы и чего хотите, дети мои?

Алексей представился:

– Я – князь Черкасский, а это – мой слуга. Мы ехали в Ратманово, да заблудились. Кони наши выбились из сил. Можем мы где-нибудь здесь переночевать?

Батюшка, оказавшийся отцом Иоанном, пригласил их к себе. Убедившись, что лошадей разместили в конюшне, а Сашка уплетает щи на кухне, Черкасский прошёл в просторную горницу, занимавшую всю переднюю половину дома священника.

Две изразцовые печки источали тепло, свечи в медных шандалах лили золотистый свет на дубовую мебель и вишнёвые гардины. Всё здесь дышало уютом и покоем, как будто и не было снаружи никакой метели. Круглый стол в центре комнаты накрыли на двоих. Батюшка приветствовал Алексея:

– Милости прошу закусить чем Бог послал. Прошу, ваша светлость, у нас по-простому. Снимайте мокрую одежду, поставьте сапоги к печи, они быстро высохнут.

Алексей последовал совету, а потом уселся за стол. Еда оказалась необычайно вкусной: жаркое таяло во рту, к нему подали грибочки и пироги, а к чаю – мёд с церковной пасеки.

Гость согрелся, наелся, и в утешение за все сегодняшние мытарства судьба послала ему награду – приятную беседу. Батюшка оказался человеком умным и образованным. Он расспрашивал гостя о прошедшей войне, о государе, а потом и о «наглом Буанопарте», как именовал императора французов. По каждому вопросу отец Иоанн имел своё оригинальное суждение,

основанное на практической сметке и житейской мудрости, часто такое точное, что Алексей искренне удивлялся. За разговором князь не забывал о главном, он всё время прикидывал, как бы расспросить у старика о девушке в чёрном. Так ничего и не придумав, Черкасский решился и спросил в лоб:

– Батюшка, мне показалось – или до меня кто-то тоже приезжал к вам?

От внимания Алексея не укрылось, как старик посуровел. Отец Иоанн бросил на собеседника испытующий взгляд, будто прицеляясь, а потом не моргнув глазом соврал:

– Нет, никого не было. Вы ошиблись, ваша светлость.

Это обескуражило Алексея. Зачем сельскому батюшке скрывать чей-то визит в церковь? В этом, в принципе, не могло быть ничего предосудительного. Так в чём же дело? На этот вопрос имелся один-единственный ответ, правда, не слишком приятный – отец Иоанн не доверял своему гостю. Но почему? Что такое увидел старик в Алексее, раз скрыл от него сам факт существования трогательно-прекрасной молодой девушки?.. Явную порочность?.. Неужто?.. Благодушие Черкасского растаяло, как дым, ведь он-то лучше всех знал, что батюшка прав. Теперешняя жизнь Алексея была следствием его постыдной распущенности. Именно порок загнал Черкасского в опалу. Из-за него он потерял дружбу императора Александра, а в свете стал настоящим изгоем.

Резко закончив беседу, батюшка распорядился убрать со стола, а когда кухарка, такая же древняя и сухонькая, как и её хозяин, унесла посуду из комнаты, указал Алексею на постель. Гостю постелили на широком диване у печи.

Алексей лёг. После нынешних злоключений он должен был сразу же провалиться в сон, но этого не случилось: слишком уж обидным показалось ему поведение отца Иоанна.

«Правда глаза колет, но лучше признать неприятную истину, чем упорствовать в своих заблуждениях», – учила когда-то маленького Алёшу бабушка. Теперь князь Алексей был полностью с нею согласен. Только он один виновен в собственных несчастьях: не заметил, как скатился до потакания постыдной распущенности, и в итоге потерял всё. Теперь за возможность вернуть уважение государя и общества придётся заплатить самую высокую цену – поступиться свободой и достоинством.

«Этого не избежать», – накатила тоска.

«А вдруг можно?» – шепнуло искушение.

Алексей закрыл глаза и принялся вновь и вновь прокручивать в мыслях свою печальную историю, но выхода так и не нашёл. Незаметно усталость взяла своё, и сон освободил Черкасского от мук совести. Утро вечера мудренее...

Пробившийся меж вишнёвых штор утренний луч разбудил Алексея. Одежда его просохла, а вычищенные невидимым доброхотом сапоги блестели, как новые. Князь быстро оделся, во дворе умылся снегом из нанесённого за ночь сугроба и пошёл искать своего строгого хозяина. Отец Иоанн служил заутреню. Дождавшись окончания службы, Алексей попросил:

– Батюшка, помогите мне, пожалуйста, людьми. Нужно отыскать и откопать мой экипаж и найти проводника до Ратманова. Я хорошо заплачу.

– Деревенские с радостью помогут: зима, работы нет, они всё для вас сделают, – пообещал старик. Он подозвал двоих мужиков: – Иван, Фёдор, помогите барину разыскать карету, а потом проводите его до почтовой станции. А там, ваша светлость, вы и проводника возьмёте, от нас до Ратманова вёрст тридцать, если не более.

Договорившись об оплате и передав мужиков под начало Сашки, князь пошёл вдоль дороги, по которой вчера уехала незнакомка. Деревенька лежала позади церкви, а дорога, обогнув старые вязы, убегала в чистое поле. Натоптанная в начале, уже через десяток шагов она стала теряться в сугробах, а потом и совсем исчезла. Алексей стоял на краю бескрайней снежной равнины, лишь на горизонте очерченной таким же белым кружевным лесом. Следы незна-

комки исчезли под снегом. Если бы Алексей сам не слышал её голоса, то подумал бы, что всё это ему померещилось. Но перед глазами до сих пор стояло прекрасное заплаканное лицо.

«Искать её?» – спросил себя Черкасский.

Зачем? Тем более теперь, когда его судьба решена. Оставалось признать очевидное: зачем лезть в чужие жизни, да и волновать людей тоже нечего. Хватит катастроф! Алексей дожждётся Сашку и уедет, никого здесь не потревожив.

Сашка не подвёл: экипаж стоял у церкви и даже выглядел прилично, будто и не ночевал в чистом поле. Следы снега отчистили, на подушки сидений положили обёрнутые в чистые мешки нагретые кирпичи. Отдохнувшие лошади смотрели бодро. Сашка объяснил, что взял до почтовой станции проводника – парнишку по имени Васька. Алексей расплатился с нанятыми мужиками и попрощался с отцом Иоанном, оставив щедрое пожертвование на церковь. Сашка и крестьянский паренёк взобрались на козлы, Алексей уселся на нагретые подушки. Тройка понеслась, как птица: миновала деревню, пересекла реку и вылетела на снежную равнину, под которой угадывалась дорога. Проводник указывал Сашке, где нужно взять левее или правее, и, к удивлению Алексея, вскоре тройка свернула на широкую дорогу, а потом остановилась у почтовой станции. Васька получил свой пятак и отбыл в обратный путь, а путешественники зашли в станционную избу. Черкасский хотел найти нового проводника и добраться наконец до дома. Но это не понадобилось. Станционный смотритель подробно рассказал, как доехать до Ратманова, и даже любезно нарисовал для князя некое подобие карты. Смотритель уверял, что дорога простая, всего четыре поворота, и что заблудиться здесь совершенно невозможно.

Дав лошадям отдых, путешественники вновь пустились в дорогу. По всему выходило, что ехать до Ратманова никак не менее трёх часов. Алексей закутался в меховое одеяло и закрыл глаза. Но дрёма не шла. Нахлынули воспоминания, а за ними – уже привычная тоска. Жизнь казалась беспросветной. Когда всё это началось? На самом деле ответ лежал рядом, он был материальным и зримым, и Черкасский никогда с ним не расставался. Алексей порылся в кармане и достал потемневшую от времени золотую табакерку со всё ещё яркой миниатюрой на крышке. С портрета смотрела голубоглазая красавица в напудренном парике.

«Бабушка», – улыбнулся Алексей.

Но дело было не в табакерке, секрет прятался внутри. Князь щелкнул замком, и на душе у него потеплело: на ладонь выпал игрушечный крест на голубой ленте – самое нежное из воспоминаний детства.

Глава пятая

Крест на голубой ленте

Воспоминание было смутным, а может, Черкасскому просто казалось, что он помнит тот день, когда в его жизни одновременно появились два главных подарка – любовь и дружба. Алексей нежно провёл пальцем по игрушечному ордену и закрыл глаза. В ушах зазвучал голос бабушки, и он – взрослый, битый жизнью мужчина – вновь стал любимым внуком грозной княгини Анастасии Илларионовны. Алексей вздохнул и... позволил себе вернуться в прошлое.

Тысячи алых бликов от низкого зимнего солнца переливались в бесконечной череде окон. Зимний дворец. Светлейшая княгиня Черкасская, уже лет двадцать не бывавшая в столице, видела его впервые. Новая царская резиденция показалась ей исполинской. Робея, княгиня вошла в двери парадного подъезда. Куда делись её нестигаемая воля и гордый нрав? Впрочем, стоило ли удивляться этой робости, ведь Анастасию Илларионовну позвала на «расправу» сама императрица Екатерина.

Совость Черкасской была нечиста. В собственном доме она наломала дров, а потом закусила удила – упёрлась в своей гордыне. Всё это стало известно государыне, а теперь и вовсе дошло до крайности. Но ведь причиной всему была любовь! Своего первенца княгиня обожала. Знала, что нельзя так выделять одного ребёнка в ущерб другому, но ничего не могла с собой поделать. Её драгоценный Николя – настоящий бриллиант в короне матери: красивый, умный и успешный – был как две капли воды похож на Анастасию Илларионовну лицом и характером. Поэтому княгиня и не смогла смириться, когда сын вопреки её воле решил жениться на грузинской царевне – не смолчала, устроила скандал. Однако и Николай не остался в долгу. Ссора их была ужасной, и поскольку никто не хотел уступать, переросла в отчуждение. На свадьбу светлейшего князя Николая Никитича Черкасского и царевны Нины Ираклиевны, с огромной пышностью отыгранную в Петербурге в январе 1781 года, мать жениха не приехала, что вызвало при дворе сплетни и пересуды.

Такого пренебрежения к своей горячо любимой супруге Николай родным не простил, поэтому о рождении в декабре того же года сына Алексея он сообщил только деду по матери – царю Ираклию. До Ратманова эта новость дошла лишь три месяца спустя через Вену. Живущая там кузина переслала Анастасии Илларионовне письмо своей подруги с описанием церемонии крещения мальчика, где крёстной матерью выступала сама императрица Екатерина. Это оказалось последней каплей – княгиня запретила всем домашним упоминать имя своего сына.

За два года Анастасия Илларионовна свыклась с мыслью, что сын теперь – отрезанный ломоть и прошлого уже не вернуть, но тут в Ратманово прибыл фельдъегерь с письмом от императрицы. Вести оказались ужасными. Государыня писала, что княгиня Нина, родив мёртвую дочь, прожила несколько часов и тоже умерла, а её муж впал в страшное отчаяние и, оставив маленького сына на попечение крёстной, уехал на Кавказ – искать смерти в бою. Императрица предлагала Анастасии Илларионовне забрать внука. Княгиня тут же выехала в Петербург и вот теперь стояла на пороге Зимнего дворца, гадая, что её ждёт за этими роскошными стенами. Разговор с императрицей мог закончиться всем чем угодно.

Черкасская объяснила дежурному лакею цель своего визита и пошла вслед за ним по сводчатой галерее первого этажа. Они поднялись по широкой беломраморной лестнице со статуями и вазами, потом прошли через анфиладу комнат, обращённых к Неве. Анастасии Илларионовне на мгновение показалось, что эти залы никогда не кончатся, волнение её достигло предела, а пальцы похолодели.

«Только бы руки не стали трястись, – испугалась Черкасская, – только этого мне и не хватало на старости лет».

Наконец провожатый передал Анастасию Илларионовну фрейлине – немолодой крупной даме в лиловом шёлковом платье.

– Прошу, княгиня! – провозгласила фрейлина с сильным немецким акцентом. – Государыня ждёт вас.

– Благодарю, – отозвалась Анастасия Илларионовна и прошла в соседние апартаменты.

В глубине зала за чайным столиком сидела императрица. Одета Екатерина Алексеевна была по-домашнему – в синий бархатный капот, волосы её покрывал кружевной чепец, очень её молодивший. Увидев гостью, государыня улыбнулась и ласково сказала:

– Здравствуйте, моя дорогая! Мы не встречались целую вечность, да вот по какому горькому поводу свидеться пришлось. Не бойтесь, не стану я вам пенять, что с сыном поссорились. Знаю, что такое взрослые дети: никого не слушают, своим умом живут. А вот внук у вас – просто чудо до чего хорош. Не волнуйтесь за него, он здесь с великими князьями. Мои-то уже большие: Александру – семь, Константину – пять, а ваш совсем малыш – два года.

Императрица жестом пригласила Анастасию Илларионовну сесть в кресло рядом с собой и задала главный вопрос:

– Ну что, княгиня, будешь забирать внука или мне оставишь?

Черкасская заговорила, осторожно подбирая слова:

– Ваше императорское величество, позвольте мне забрать мальчика. Если вы не возражаете, я хотела бы воспитать его в нашем имении, где уже столько лет безвыездно живу из-за слабости здоровья.

Императрица рассмеялась:

– Ну, положим, ты, княгиня Анастасия, всегда была здоровой как лошадь, да и нынче я не вижу признаков болезни на твоём лице. Но бог с тобой, неволить не стану – хочешь жить в деревне, живи, только пусть дети твои мне служат, да внуков, когда вырастишь, тоже сюда присылай... А вот и твой ангел, знакомься, в первый раз же видишь.

В комнату в сопровождении всё той же фрейлины вошла немолодая грузная женщина с ребёнком на руках. Анастасии Илларионовне уже доложили, что её внука нянчит Тамара Вахтанговна – няня покойной царевны Нины, приехавшая в Россию вместе со своей питомицей. Княгиня всмотрелась в глаза грузинки и встретила с таким же острым взглядом. Впрочем, Анастасии Илларионовне тут же стало не до ревности – княгиня впервые увидела внука. Крупные тёмные глаза, доставшиеся малышу от матери, смотрели на взрослых внимательно и настороженно. Но вот мальчик узнал крёстную, и улыбка озарила его личико, сверкнули белые зубки.

– Здравствуйте, государыня, – сказал он, по-младенчески сглатывая звуки.

– Здравствуй, мой милый, – ответила императрица. – Иди сюда. Посмотри – вот твоя бабушка Анастасия приехала, хочет с тобой познакомиться.

Екатерина Алексеевна сделала знак няне, та подошла и опустила мальчика на пол.

– Идите, ваша светлость, – подсказала грузинка, осторожно и ласково подталкивая малыша в спину, – познакомьтесь с бабушкой.

Мальчик сделал несколько шагов, подошёл к императрице и уцепился за её капот. Государыня показала ему на княгиню.

– Вот твоя бабушка, милый! Она – мама твоего отца – очень тебя любит и приехала, чтобы заботиться о тебе. Ты поедешь с ней в большое имение, там есть лошадка, как у Александра. Иди к бабушке. – Императрица мягко подтолкнула ребёнка к княгине, и он, успокоенный словами крёстной, доверчиво пошёл на руки к Анастасии Илларионовне.

Обняв тёплое тельце и заглянув в бархатные чёрные глаза, княгиня поняла, что сердце её отдано навеки и без остатка.

– Мой дорогой, я приехала, чтобы отвезти тебя в Ратманово – это такое большое имение, там очень красиво, и тебя ждут лошадка, щенок и котята. Будет очень весело, – тараторила

княгиня, опасаясь, что мальчик испугается и заплачет. – Мы поедem в карете, возьмём все твои игрушки и купим всё, что ты захочешь.

Не зная, что ещё сказать, она замерла, с надеждой глядя на внука. Мальчик заулыбался.

– Поедешь, мой дорогой? – спросила Анастасия Илларионовна.

– А няня со мной будет?

– Конечно!..

– Поедем, – согласился мальчик.

– Собирайте ребёнка, – велела императрица няне, жестом отпуская её. Анастасия Илларионовна передала внука грузинке. Та бросила на княгиню быстрый взгляд, но в присутствии императрицы заговорить не решилась и вышла из комнаты.

– Ну что, хорош наследник? Уж насколько мой Александр херувимчик, а твой – лучше. На отца похож, а глаза и кудри – материны. Царевна красавицей была и нрава доброго, все её любили, даже при дворе врагов не нажила – чистый ангел. Отец её тоже недавно умер – вчера известие пришло. Надеюсь, что не узнал о дочери, спокойно ушёл, – императрица вздохнула и перекрестилась. – Ну, царство им небесное, а князя Николая, надеюсь, Бог пощадит, отведёт беду, хотя твой сын сам на смерть рвётся. Бери мальчика да езжай домой. Когда сын вернётся, помирись с ним, и вместе ко двору приезжайте, крестника моего привозите.

Поблагодарив, Анастасия Илларионовна встала и сделала глубокий реверанс. Из глубины зала к ней подошла фрейлина в лиловом платье и знаком пригласила следовать за собой. Они вышли из покоев императрицы.

– Ваша светлость, пройдите на половину великих князей, там сейчас собирают Алексея Николаевича, – сообщила фрейлина и двинулась в направлении, противоположном тому, откуда княгиня пришла ранее.

Фрейлина отворила дверь в большую комнату, уставленную низенькими столами и стульчиками и заваленную игрушками. Два весёлых белокурых мальчика, одетых в маленькие, сшитые по росту, военные мундиры, стояли рядом с игрушечной крепостью. На звук открывшейся двери они обернулись.

– Ваши императорские высочества, позвольте представить вам светлейшую княгиню Черкасскую, бабушку князя Алексея, – объявила фрейлина.

Мальчики учтиво поклонились, а Анастасия Илларионовна склонилась в реверансе.

– Очень приятно познакомиться, – заговорил старший из мальчиков – голубоглазый красавчик Александр. – Нам няня сказала, что вы забираете Алёшу. Жалко, мы к нему привыкли...

Из соседней комнаты вышла уже одетая в капот Тамара Вахтанговна. Она держала на руках мальчика, наряженного в соболью шубку и валеночки, за ней две горничные несли саквояжи с вещами.

Няня поставила ребёнка на пол, и великие князья подбежали к нему.

– До свиданья, Алёша, – сказал Александр, обнимая малыша, – помни нас, а мы будем скучать по тебе.

Константин тоже обнял маленького приятеля. Поняв, что его сейчас увезут, а друзья останутся, мальчик заплакал. Женщины захлопотали, пытаясь его успокоить. Их перебил Александр.

– Подождите! – приказал он. Вытянувшись по стойке «смирно», набрал в грудь побольше воздуха и крикнул: – Внимание!.. Равнение налево!.. Награждается Алексей Черкасский, герой войска великих князей Александра и Константина.

Малыш перестал плакать и уставился на старшего товарища. Александр снял с шеи игрушечный орденский крест на голубой ленте, надел его на шейку Алексея и пожал тому руку. Малыш заулыбался.

– Иди с бабушкой, – велел цесаревич, подтолкнув маленького товарища вперёд, – не забывая нас и приезжай обратно.

Подхватив на руки внука, княгиня попрощалась и направилась к двери.

– Каков Александр – уже сейчас видны благородство натуры и сила характера. Видно, будет великим государем, как бабушка, – шепнула она няне, идущей рядом по анфиладам дворца.

Старая грузинка лишь кивнула в ответ, но Анастасия Илларионовна не отступала:

– Ну что, Тамара Вахтанговна, мы с внуком отправляемся в Ратманово. Не бросите своего питомца в трудный час? Или хотите уехать?

– Некуда мне ехать, ваша светлость, – помолчав, ответила няня. – Я при дворе царя Ираклия выросла, меня родители девочкой ему отдали, а когда царь женился, я всех его детей вынянчила. Нина младшей была – отцовской любимицей. В России моя девочка лежит, значит, и я здесь останусь. Даст Бог здоровья, выращу её сыночка.

– Спасибо тебе, Тамара Вахтанговна, – сказала княгиня, – за царевну ты меня прости, что не признала их брака сразу, ревность глаза застила. А за мальчика я теперь жизнь отдам, здесь мы с тобой союзники.

Так в жизни светлейшей княгини Черкасской появилась цель – счастье её ненаглядного Алексея.

Глава шестая

Опала князя Черкасского

Алексей с нетерпением смотрел в окно. Наконец-то мелькнула знакомая развилка, и экипаж свернул на дорогу, ведущую к Ратманову. Сердце дрогнуло в предвкушении – за следующим поворотом уже можно увидеть дом. Как же Алексей любил это зрелище, когда из-за деревьев появлялся высокий рукотворный холм, а на его вершине – белая колоннада великолепного дворца, созданного трудами Анастасии Илларионовны и талантом великого Растрелли! Гнездо Черкасских – так называла Ратманово бабушка, так же считал и её внук. Родной дом, ставший теперь тюрьмой. Чего здесь было больше – нежных воспоминаний или чёрной тоски?

«Нельзя так думать, – одёрнул себя Алексей, – это несправедливо, по крайней мере, к детству это не относится».

Наверное, он никогда уже не будет так счастлив, как в детстве. Большую часть года Алексей жил в Ратманове с бабушкой. Летом сюда приезжали Николай и Никита – двоюродные братья Алексея, сыновья дяди Василия – но осенью кузены возвращались к месту дипломатической службы отца, и жизнь вновь входила в прежнее русло: внук и бабушка оставались только вдвоём. Как же она его любила! Алексею даже было неудобно перед кузенами – он постоянно ловил на себе нежные взгляды бабушки. Анастасия Илларионовна то ли не могла, то ли не считала нужным скрывать свои чувства – она жила лишь для него одного. Княгиня щедро снабжала Василия и его детей деньгами, не отказывая им ни в чём, но Алексею всегда казалось, что бабушка от остальных откупается, и в этом виноват он. И всё же, как это было приятно, что тебя любят больше всех на свете!

Отец появился в жизни Алексея, когда ему исполнилось десять. Князь Николай прислал в Ратманово весточку, где сообщал, что вышел в отставку. Он предлагал матери и сыну приехать в столицу, а в конце письма намекнул, что вновь собирается жениться. Пришлось Черкасским ехать в Петербург.

В семейном доме на Миллионной улице хозяина они не застали: князь Николай как раз уехал в подмосковные имения. Ожидание затянулось, и Анастасия Илларионовна захотела подготовить своего любимца к встрече с отцом. Она много рассказывала Алексею о молодости Николая Никитича, о его героической службе и как-то указала на большой портрет красавца-гусара.

– Вот, Алёша, посмотри. Боровиковский написал твоего отца в тот год, когда Николай получил чин полковника.

Поверив художнику, Алексей так и ждал, что в доме появится отец – златовласый Аполлон с задорным блеском голубых глаз. Когда же в комнату вошёл седой человек с багровым шрамом от брови до уха, мальчик испугался. Тогда же он в первый и последний раз увидел слёзы бабушки. Князь Николай обнимал сына и мать и никак не мог от них оторваться. К вечеру, когда все слова уже были сказаны, а слёзы выплаканы, Николай Никитич выразил твёрдое желание больше никогда не расставаться с ними обоими:

– Как жаль, что я прошёл столь тернистый путь, прежде чем понял простую истину: нужно жить сегодняшним днём и дорожить каждым мгновением, которое ты можешь провести рядом с близкими. Я надеюсь, что вы, маман, и Алёша теперь навсегда останетесь рядом со мной.

Анастасия Илларионовна провела рукой по седым волосам своего любимого сына, коснулась пальцем багрового шрама и возразила:

– Нет, Николя, я больше не хочу повторять прежние ошибки. Свекровь в одном доме с молодой хозяйкой – не слишком удачная идея. Ты должен жениться, а Алёша – обрести семью.

Я привезла его тебе, чтобы сын жил с отцом. Может, это и разобьёт мне сердце, но решения я уже не изменю.

На том и договорились. Князь Николай познакомил мать и сына со своей невестой. Ольга Петровна оказалась милой девушкой с серыми миндалевидными глазами. Возможно, что она и не была красавицей, но зато покорила сердца редкостной искренностью и любезным обращением. Ольга была добра, и это решило все. Увидев, как быстро потянулся её внук к будущей мачехе, Анастасия Илларионовна дала своё согласие на брак. Сразу после свадьбы княгиня оставила столицу и возвратилась в Ратманово. Теперь Алексей приезжал к ней вместе со своими кузенами – на лето, а зиму проводил в Петербурге. Императрица Екатерина часто приглашала своего крестника в Зимний дворец. Там он, поклонившись государыне, убегал на половину великих князей, где его всегда ждали Александр и Константин, по-прежнему любившие своего младшего товарища.

Черкасские жили на удивление счастливо. Милая Ольга подарила князю Николаю четырёх дочерей. Через год после свадьбы родилась Елена. Та, оправдав своё имя, оказалась писаной красавицей и очень напоминала бабушку – Анастасию Илларионову. Следующей родилась Дарья, потом – Елизавета, последней была маленькая Ольга. Все девочки обожали своего единственного брата. Они считали его настоящим героем. Сёстры наперебой придумывали для Алексея сюрпризы и подарки, бегали за ним весёлой маленькой стайкой, а он шутливо сердился, но сам искренне всех любил, покрывал их шалости и всегда защищал.

После смерти императрицы Екатерины князь Черкасский увёз своё семейство в Москву. Он настоял, чтобы сын поступил в университет, хотя сам Алексей бредил армией. Но отец, опасаясь, что в царствование сумасбродного императора Павла сын может погибнуть на чужбине неизвестно за что, не хотел об этом даже слышать. Алексей не уступал. Коса нашла на камень. Отношения между отцом и сыном, до этого доверительные и нежные, стали ухудшаться, поскольку старший не раскрывал младшему своих резонов. Но этот кризис разрешился сам собой со сменой власти в столице.

Когда Алексей узнал, что императором стал друг его детства Александр, то сразу же попросился в Петербург. Князь Николай, справедливо рассудив, что от их семьи кто-то должен поздравить императора с восшествием на престол и что сын – самая подходящая для этого кандидатура, возражать не стал. Алексей поехал, встретился с императором, принявшим его как старого друга, и, поздравив государя, тут же попросил о милости – зачислении в гвардию. Надо ли говорить, что молодой Черкасский сразу получил назначение поручиком в лейб-гвардии гусарский полк и, написав отцу покаянное письмо, где просил прощения за своеволие, помчался в Ратманово к бабушке за поддержкой и советом.

Анастасия Илларионовна, обычно во всём потакавшая своему любимцу, встретила известие о поступке внука без особого восторга.

– Я была спокойна, пока ты жил в Москве с отцом, а теперь ты отправишься ко двору и попадёшь в компанию молодого императора, – вздохнула она.

– Мне девятнадцать лет, и Александра я люблю с детства, он и Константин – мои друзья, почему вы с отцом против моего решения? – горячился Алексей.

– Алёша, ты многого не знаешь и в силу возраста не можешь ещё понять того, что видят люди постарше. Отношения в царской семье всегда были сложными, и это отразилось на характере Александра. Бабушка сразу после рождения забрала его у матери и воспитывала сама, родителей он видел изредка и был к ним равнодушен, а как Александр любил покойную императрицу, ты знаешь не хуже меня. Ни для кого не секрет, что государыня хотела передать трон Александру, минуя его отца.

Анастасия Илларионовна задумалась. Молчание затягивалось. Напомнив о себе, Алексей нетерпеливо кашлянул, и княгиня вновь заговорила:

– Ты знаешь, что по нашим законам женатый человек считается совершеннолетним. Поэтому государыня и женила цесаревича в шестнадцать лет. Ничем хорошим это кончиться не могло. После свадьбы с робкой девочкой Александр захотел настоящей страсти и пустился во все тяжкие, и так продолжается уже десять лет. Молодой государь не пропускает ни одной юбки. Служа в гвардии, ты всё равно попадешь в его компанию. – Анастасия Илларионовна тяжело вздохнула. – Ты станешь таким же развратником, как и он. Только государя обманутые мужья не вызывают на дуэль. Твой старший друг будет тебя дразнить и толкать на соперничество, и ты погубишь себя.

– Ну почему погублю? Я собираюсь служить, а не прожигать жизнь, – искренне веря в то, что говорит, заявил Алексей.

– Император не позволит этого, он всегда тебя любил, а теперь станет приглашать беспрестанно. Но дело сделано, ты получил назначение. Нужно решить, как поступить, чтобы не испортить твою судьбу. Пока иди отдыхай, а я должна подумать. Завтра увидимся.

Княгиня отпустила внука, а сама долго не могла заснуть: тяжёлые размышления терзали её, зато к утру она нашла решение.

Позвав Алексея, бабушка взяла с него слово не совращать невинных девушек, а иметь дело лишь с теми женщинами, которые будут сами добиваться его расположения. Алексею это казалось само собой разумеющимся, и он торжественно поклялся. В свою очередь, Анастасия Илларионовна пообещала удвоить содержание, получаемое внуком от князя Николая. Она искренне считала, что деньги решают всё. Анастасия Илларионовна хотела сделать так, чтобы её любимчик всегда мог «откупиться». Внук, так и не узнавший о её мыслях, попрощался и усакал в столицу – его ждал гусарский полк.

Гусары встретили Черкасского радушно. Умный и веселый Алексей скоро сделался любимцем офицеров, а поскольку он предоставил в полное их распоряжение свою «холостую» квартиру на Невском, все его просто обожали. В дружеской компании Алексей прошёл все принятые в лейб-гвардии этапы возмужания: волочился за дамами, пил и играл, просяживая колоссальные суммы из своего щедрого содержания.

Наполеон покорял Европу, но гусары в боях не участвовали, и первые пять лет службы Черкасского прошли в Петербурге, где между дежурствами и смотрами он не забывал и о развлечениях.

Бабушка оказалась права: молодой император затянул друга в водоворот своей весёлой жизни, и Алексею это очень нравилось. К двадцати трём годам его внешность приобрела законченный лоск. Молодой Черкасский был очень высок и строен, чёткость чёрт он взял от отца, черноту крупных глаз и блестящих волос – от матери, а славу неутомимого любовника заработал сам. Алексей был красив, богат, любим женщинами, его жаловал император и обожали друзья-офицеры. Чего ещё можно было желать?..

Веселая жизнь любимца общества закончилась жарким июньским днем, когда из Москвы прискакал гонец с письмом от мачехи. Уже вскрывая печать, Алексей знал, что случилась беда, ведь Ольга Петровна всегда вкладывала свои записочки в письма отца, а сейчас адрес на конверте вывела её собственная рука.

Предчувствия не обманули: мачеха писала, что князь Николай трагически погиб на охоте – упал с лошади. Она просила Алексея незамедлительно выехать в подмосковное имение Марфино, где и случилось несчастье. Чернила на листе расплывались от слёз, и было заметно, что рука несчастной женщины дрожала.

В письме лежала ещё одна записка – от дяди. Князь Василий сообщал, что он сам оказался свидетелем случившегося с братом несчастья. Дядя пообещал заботиться об Ольге Петровне и девочках до приезда Алексея, а также дал знать, что уже отправил письмо матери – княгине Анастасии Илларионовне – и ждёт её приезда.

Алексей мчался в Москву, по-детски надеясь, что произошла ужасная ошибка, но на самом деле всё оказалось даже хуже, чем он мог представить. Когда Алексей прибыл в Марфино, при смерти лежала уже и Ольга Петровна. Растерянный доктор топтался у её постели.

– Наверное, у княгини было слабое сердце, но из-за молодости её светлости оно ещё не давало о себе знать, а пережитое горе запустило мгновенное развитие болезни.

– Разве так бывает? – удивился Алексей, но доктор лишь развел руками. Жизнь убедила, что, оказывается, бывает: наказав пасынку беречь сестёр, несчастная княгиня Ольга ушла вслед за своим обожаемым мужем.

Прибывшая в Марфино Анастасия Илларионовна долго сидела рядом с гробами сына и невестки. Наконец она вышла к родным и объявила, что отец назначил Алексея единственным наследником и опекуном сестёр, а дочерям князь Николай оставил приданое в золоте. Анастасия Илларионовна решила, что заберёт внучек в Ратманово, и велела Алексею выйти в отставку. К этому он оказался не готов – Черкасский не мыслил себе жизни без гвардии. Княгиня настаивала, но внук упирался. Сошлись на компромиссе: Алексей возьмёт отпуск в полку. К счастью, император Александр и полковой командир всё поняли, и, взяв отпуск сроком на два года, Черкасский присоединился к бабушке и сёстрам в Ратманове.

Черкасскому пришлось на ходу учиться – осваивать премудрости управления поместьями. Жизненная хватка, унаследованная, как он подозревал, от бабушки, а также то, что отец оставил дела в хорошем состоянии, помогли Алексею в первый же год получить большой доход. Из любопытства он захотел попробовать себя в новом деле и вложил деньги в судоходную компанию. Интуиция его не подвела, дело оказалось очень прибыльным. Алексей нашёл толкового англичанина Фокса, посадил того управляющим в Петербурге, а сам на полгода перебрался в Лондон. Доходы от своей компании Черкасский оставлял в английских банках, а один из самых известных дельцов Сити работал для него на бирже.

Коммерческий успех так вдохновил Алексея, что он (на радость бабушке) наконец-то принял решение окончательно выйти в отставку и полностью посвятить себя делам. С этим он и прибыл в столицу.

Петербург встретил Черкасского святочными балами. Князь побывал в полку, в гостях у нескольких старых друзей, и весть о приезде самого завидного жениха России мгновенно облетела все салоны. В дом на Миллионной улице принесли множество приглашений, но Алексей пока отложил их, решив сначала встретиться с государем, а потом уже принять решение, оставаться в столице или сразу уехать.

Послание от императора прибыло утром. Алексея приглашали в Зимний дворец на аудиенцию, а потом на костюмированный бал. Поскольку предстоял обед, Алексей решил не связывать себя маскарадным костюмом, а захватить лишь маску и плащ-домино, оставив их у слуги до начала бала.

Ранняя зимняя ночь уже властвовала в столице, когда лёгкие санки подъехали к Зимнему дворцу. Ждать аудиенции не пришлось, Черкасского сразу же пригласили в кабинет императора.

– Заходи, Алексей, – сказал Александр Павлович. – Небось приехал отставки просить? Я знаю, что после Тильзитского мира служить в моей армии уже не так почётно, но неволить тебя я не буду.

Разговор сразу пошёл не так, как хотелось бы Алексею. Просьба об отставке теперь стала бы откровенной бестактностью. Как же поступить?

– Ваше императорское величество, я и впрямь думал выйти в отставку, поскольку должен теперь заботиться о процветании семьи. Я – опекун четырёх сестёр, их судьба стала моей заботой, – начал Алексей, и вдруг решение само пришло в голову: – Но если бы я мог продлить отпуск на неопределённое время, а в строй явиться по вашему требованию во время опасности для Отечества, я был бы счастлив.

– Вот ответ друга, – обрадовался Александр Павлович. – Значит, решено: пиши рапорт на бессрочный отпуск, а если начнётся война – я сам тебя вызову.

– Благодарю, ваше императорское величество! Для меня это большая честь.

В глазах императора мелькнуло облегчение, его настроение заметно улучшилось. Александр Павлович подтолкнул Черкасского к дивану и предложил:

– Ну, тогда посидим, расскажешь мне о своих сёстрах и бабушке.

Государь долго расспрашивал Алексея о семье и успехах в ведении дел. Наконец поинтересовался, в каком костюме тот будет на балу.

– Я взял домино, – объяснил Черкасский.

– Какое совпадение, я тоже буду в домино, – сообщил Александр Павлович, – а моя жена и сёстры решили нарядиться римскими богинями. Но, между нами, Венера при дворе уже есть. Сейчас я тебе её покажу!

Император подошёл к тёмному резному бюро, открыл крышку и протянул Алексею небольшой овальный портрет, изображавший женщину ослепительной, прямо-таки античной, красоты. Черкасский не был с ней знаком, но и до него дошли слухи, что сердце государя теперь принадлежит ловкой польской княжне, ставшей в замужестве княгиней Нарышкиной.

– Ну что, Алексей, хороша? – с видом собственника улыбнулся император. – Показываю её тебе заранее, чтобы ты не вздумал приударить за этой «Венерой».

– Я запомню, ваше императорское величество, – смягчая серьёзность своего ответа улыбкой, кивнул на портрет Черкасский.

Аудиенция закончилась, можно было подводить итоги. По крайней мере, ему был обещан бессрочный отпуск. Алексей не роптал, он привык довольствоваться тем, что есть, – ведь никто и никогда ещё не получал всё и сразу.

Алексей уже успел отвыкнуть от многолюдья здешних балов. Гостей на маскараде оказалось не меньше двух сотен. Лица их скрывали полумаски, оставлявшие открытым рот, или расписанные золотом итальянские маски на все лицо. Алексей надел алый плащ-домино и чёрную полумаску, поискал в зале своих друзей-гусаров, но так и не нашёл. Пришлось ему одному стоять у колонны.

Начались танцы. Черкасский давно не танцевал и сначала лишь наблюдал за гостями. Потом, когда в зале кружилась уже почти сотня пар, он тоже стал приглашать дам. Разговоры оказались лёгкими, женщины – весёлыми, и постепенно в душе Алексея расцвело игривое и беззаботное настроение. Ему нравилась музыка, нравился бал, нравились дамы, впервые за долгое время отступили заботы, и Черкасский отдался очарованию маскарада.

Его партнершей в вальсе стала гибкая брюнетка в костюме итальянской маркизы. Её лицо скрывала белая маска с золотым кружевом вместо волос. Улыбались нарисованные губы, а в прорезях маски весело блестели лукавые чёрные глаза. Дама прекрасно танцевала и во время танца смело прижималась к Алексею. Уловив столь явный призыв, Черкасский применил отработанный трюк: смелые комплименты. Дама тихо смеялась, а потом высказала желание «немного отдохнуть». Она сама потянула Алексея из зала. В первой же безлюдной комнате дама скользнула в альков, задрапированный бархатными портьерами, и бросилась на диван. Потянув за собой Алексея, она шепнула:

– Не правда ли, тайна так завораживает... Вы не знаете меня, я не знаю вас, завтра мы пройдем друг мимо друга и не узнаем...

Руки незнакомки скользнули под плащ-домино и стали расстегивать на Алексея рубашку. пышная белоснежная грудь, открытая по последней парижской моде очень низко, маячила прямо перед глазами Черкасского. Устоять было невозможно.

Незнакомка обнимала князя со всё нарастающей страстью, её опытные руки скользнули за пояс его панталон, и Алексей забыл об осторожности. Задрав женские юбки, он стал гладить

тёплую кожу бедер. Дама прижалась к нему и, застонав, резко откинула назад голову. Маска её слетела, и Алексей узнал прекрасное лицо с портрета в кабинете императора.

Черкасский мгновенно протрезвел. Запахнув своё домино, он встал с дивана, одёрнул на женщине юбки, натянул спущенное платье ей на плечи и, резко повернувшись на каблучках, пошёл к выходу. Алексей не сомневался, что доброхоты сегодня же донесут императору о скандальном инциденте.

Так оно и вышло: утром от государя принесли письмо. Алексей сломал печать, взгляд его скользнул по строчкам. Император писал:

«Князь, я узнал, что вы нарушили данное мне слово. Поскольку семейные интересы требуют вашего присутствия в имениях, вы можете тотчас же ехать в Ратманово и заняться воспитанием сестёр».

Алексей понимал, что это – опала, и теперь лишь гадал, распространится ли она на всю семью, включая сестёр и бабушку, или только на него самого. Но делать было нечего. Он велел собирать вещи и рано утром выехал в Ратманово.

Глава седьмая

Царский ультиматум

Ратманово! Ну, наконец-то деревья расступились, и Алексей увидел свой дом. Позлащённая последними лучами мраморная колоннада сияла на фоне закатного неба, за оконными стёклами трепетали огоньки свечей, как будто звали: «Домой, домой...» Но главным чудом оказался холм – ослепительно-белый от невесомого первого снега.

«Как в сказке», – оценил Черкасский, и тут же память подкинула воспоминание: в тот трагический день он так же смотрел на заснеженный холм из окна кареты и думал, что ничего хуже опалы быть не может, но оказалось, что это не так. Алексей ехал в Ратманово в ссылку, а нашёл смерть.

Как только он вошёл в дом, навстречу вышла согбенная, но всё ещё бодрая няня Тамара Вахтанговна. Лицо её было заплаканным.

– Мальчик мой, горе у нас – бабушка твоя совсем плоха, – призналась старушка. – Всё тебя ждёт, спрашивает каждый час.

Алексей кинулся к лестнице. У спальни бабушки он остановился, чтобы перевести дух, и осторожно постучал. У постели больной хлопотали сиделка и доктор. Лицо Анастасии Илларионовны стало совсем маленьким и совершенно бескровным, глаза её были закрыты.

– Бабушка, я приехал, – позвал Алексей и взял княгиню за руку.

– Алёша! – Услышав родной голос, Анастасия Илларионовна открыла глаза и попросила: – Пусть все уйдут, нам нужно с тобой поговорить.

Доктор и сиделка вышли, а Черкасский опустился на стул рядом с кроватью.

– Алёша, ты меня не перебивай и слушай внимательно, – чуть слышно шептала старая княгиня. – Сестёр береги, они и так богаты, да я им ещё по сто тысяч оставляю, пусть замуж выйдут по любви, за кого захотят, хоть за нищего.

– Я обещаю!

Анастасия Илларионовна кивнула и на мгновение в её голубых глазах мелькнула прежняя сила.

– Дорогой мой, я боюсь за тебя. Ты должен поскорее жениться и родить наследников. Люби своих детей, никого не обделяй вниманием! Я всё оставляю тебе, завещание хранится у нашего соседа – барона Тальзита, он – мой душеприказчик. – На лбу княгини выступила испарина, дыхание стало сбиваться. Сквозь тяжёлый хрип еле пробились слова: – Поклянись, что женишься!

– Обещаю в ближайшее же время выбрать хорошую девушку и жениться, – подтвердил Алексей.

– Позови няню...

Когда старая грузинка вошла в спальню, больная слабо махнула рукой, как будто что-то просила. Тамара Вахтанговна достала из комода расшитый золотой вязью синий бархатный мешочек и вынула из него необычной формы золотой крест. Он крепился к толстой (с мизинца) грубой цепочке, а в самом его центре сиял огромный, размером с грецкий орех, алмаз. И бархатный кисет, и драгоценность няня протянула Алексею.

– Крест царя Ираклия. Я хотела передать эту реликвию тебе перед венчанием, но не доживу, – прошептала Анастасия Илларионовна. – Прощай, Алёша, выполни мои просьбы, а я буду молить за тебя Бога.

Как будто истратив последние силы на этот разговор, старая княгиня впала в забытие и уже больше в сознание не приходила. К вечеру её не стало. В Ратманове как раз гостил князь Василий. Его дети, Никита и Николай, не смогли бы вовремя доехать из столицы, сёстры

Алексея были слишком юными, чтобы участвовать в похоронах, так что проводили Анастасию Илларионовну в последний путь лишь сын с внуком да сосед-душеприказчик.

Вечером после похорон князь Василий, Алексей и барон Тальзит собрались в гостиной покойной княгини, чтобы выслушать её последнюю волю. Душеприказчик открыл конверт с завещанием и начал читать:

«Я, светлейшая княгиня Анастасия Илларионовна Черкасская, находясь в здравом уме и твёрдой памяти, выражаю свою последнюю волю:

Четырём моим внучкам: Елене, Дарье, Елизавете и Ольге Черкасским – завещаю по сто тысяч рублей каждой, эту сумму они должны получить по достижении ими двадцати одного года. Внукам моим, Николаю и Никите, завещаю по пятидесяти тысяч рублей каждому без всяких условий.

Все остальное принадлежащее мне на момент моей смерти имущество я завещаю внуку Алексею Черкасскому.

Барон закончил чтение. В комнате повисла тишина. Вдруг князь Василий вскочил со стула и кинулся к Алексею. Лицо его стало багровым, а обычно голубые глаза посветлели и сделались бесцветными. Схватив племянника за лацканы сюртука, князь начал его трясти.

– Ты, всегда только ты! Все её мысли с того проклятого дня, когда она привезла тебя в Ратманово, были лишь о тебе, а меня как будто и не существовало!

– Успокойтесь, дядя, я не влиял на решение бабушки, – отозвался Алексей.

Он вдруг подумал, что ещё два года назад запросто предложил бы дяде разделить наследство бабушки, но сейчас, как никогда понимая эту мудрую и сильную женщину, внук мысленно поклялся, что все её поместья останутся процветающими, а состояние будет преумножено. Оттолкнув князя Василия, Алексей сказал:

– Бабушка высказала свою волю, значит, имела на это причины, я поступлю так, как хотела она.

Дядя уехал, не попрощавшись. В Ратманове старались о нём больше не вспоминать. Алексей с головой ушёл в дела: другого выхода у него всё равно не было, иначе тоска разъедала душу. Это оказалось даже тяжелее, чем после смерти отца. Внук даже не предполагал, насколько любил Анастасию Илларионовну, как зависел от её мудрых советов и от её преданности. Алексей осознал, что осиротел окончательно...

Три года просидел Алексей в Ратманове. Он, конечно же, с увлечением занимался делами, но это не меняло того факта, что пребывание князя Черкасского в собственном поместье оказалось отнюдь не добровольным. Правда, он очень старался, чтобы домашние этого не поняли. Алексей пригласил из Москвы бабушкину кузину – графиню Апраксину, в надежде, что та возьмёт на себя воспитание княжон. Наследство Анастасии Илларионовны удвоило и без того большое состояние Алексея, а ответственность за деньги опекаемых сестёр добавила обязательств. Загнанный опалой в поместье, Алексей сумел найти толковых посредников в Петербурге, Москве и Лондоне. Коммерческие проекты его, сначала застопорившиеся, вновь пошли в гору. Имения процветали, доходы Алексей вкладывал в строительство и в корабли. К концу 1811 года он владел уже шестью судами, пятью доходными домами в Петербурге и тремя – в Москве. В банках Лондона у него хранилось около миллиона в золоте.

В делах Алексей преуспел, но в обществе стал изгоем. По окончании траура он решил исполнить данное бабушке обещание и жениться. Самым простым вариантом тогда показалась короткая (дабы не привлечь внимания властей к самовольной отлучке из Ратманова) поездка в Москву. Но этот визит в Первопрестольную обернулся настоящим позором: светлейшего князя Черкасского нигде не принимали. Пришлось возвращаться в Ратманово ни с чем. Этот опыт сделал Алексея законченным циником, и если на императора он больше не обижался, простив государю его слабости, то общество стал презирать.

Строительство последнего доходного дома в Москве закончилось, и к концу ноября одиннадцатого года все квартиры в нём были сданы внаём. Поверенный попросил Алексея приехать и получить внесённые жильцами деньги. Как всегда, тайком, Черкасский выехал в Москву, а через неделю уже сидел в уютном кабинете своего московского дома в компании полкового друга. Ротмистр Чернов, приехавший в Первопрестольную в отпуск, рассказывал Алексею последние новости, уверяя, что война с французами не за горами. Их беседу прервал лакей, доложивший, что из Ратманова прибыл фельдъегерь с письмом от императора.

Алексей вышел в вестибюль, посыльный стоял у входа.

– Ваша светлость, в вашем имении подсказали, где вас можно найти, – отдав честь, сообщил фельдъегерь. Он протянул Алексею пакет и добавил: – Я уполномочен дожидаться ответа.

– Проходите в столовую, согрейтесь. Вам принесут ужин, – распорядился Алексей.

Отдав приказания относительно устройства фельдъегеря, Алексей прошёл в кабинет. Сломав печать, он увидел знакомый почерк. Император писал:

– *«Князь, ко мне как к суверену с последней просьбой обратился граф Бельский. У него не осталось прямых наследников. Граф просил моего согласия передать титул мужу его дочери. Найти супруга для этой девицы Бельский также поручил мне. Сообщаю, что в мужья наследницы я выбрал вас.*

Род графов Бельских по благородству не уступает вашему, а самое большое их имение находится в той же губернии, что и ваше Ратманово.

Если вы готовы исполнить мою рекомендацию, предлагаю вам выехать в поместье Бельцы и взять в жёны его наследницу.

Буду рад видеть вас при дворе вместе с молодой женой.

Александр».

Черкасский так оскорбился, что даже сорвался на крик:

– Этого не может быть! Это просто дикость!

Ротмистр с изумлением смотрел на возмущённого друга. Алексей протянул ему листок. Чернов прочитал и примирительно заметил:

– Зато это – конец опалы! Ты же хотел жениться, но сейчас никто не отдаст за тебя дочь, да и встретить девушку тебе будет негде – в свете тебя не принимают. Мне кажется, что всё не так уж и плохо, может, и барышня окажется хорошенькой.

Черкасский лишь вздохнул. Император не оставил ему выбора. Вспомнились милые лица сестёр, ведь тень опалы легла и на них. Елене скоро выезжать, но кто станет её приглашать при таком старшем брате? Да и обещание, данное бабушке, пора наконец-то исполнить. Алексей взял перо и написал императору короткое письмо, поблагодарив за заботу. Запечатанный конверт перешёл в руки фельдъегеря, тотчас поскакавшего в Петербург, а князь отправился в Ратманово.

Потом был долгий и тоскливый путь, метель, чуть не погубившая Алексея с Сашкой. Единственной радостью оказалось маленькое приключение в деревенской церкви. Черкасский смотрел на белоснежный холм, на золотистые огоньки свечей за окнами родного дома и спрашивал себя, сколько он будет прятаться в этом уютном тёплом мирке, прежде чем пойдёт на заклание? День? Два?

По большому счёту, его время вышло. Откладывать неизбежное не имело смысла. Алексей вышел из экипажа и велел Сашке к утру приготовить лошадей для новой поездки. Черкасский собирался ехать в Бельцы, чтобы взять в жёны графскую дочь.

Глава восьмая

Милая невеста

Графу Бельскому становилось всё хуже, и Катя боялась даже думать о том, что могло теперь случиться в любую минуту. Она привычно сидела у постели отца, с жалостью глядя на исхудавшее лицо. Казалось, что Павел Петрович уже не здесь и принадлежит другому миру. Вдруг веки больного дрогнули, и он открыл глаза. Взгляд отца казался осмысленным, и Катя обрадовалась. Граф слабо махнул рукой – поманил и прошептал наклонившейся дочке:

– Катюша, я скоро умру. Обещай мне, что, когда придет выбранный государем жених, ты не скажешь ему правды. Пусть он не знает, что ты «не та» невеста. Промолчи и выходи замуж. Я должен уйти спокойным за твоё будущее.

Глаза Павла Петровича слезились. Он так ослаб! Не в силах отказать отцу в последней просьбе, Катя поцеловала его впалую щеку и прошептала на ухо то, что он хотел услышать. Глаза графа закрылись, и он опять впал в забытье. Пусть будет так, как хочет папа, а его дочь смирится со своей судьбой!..

Стук в дверь отвлек Катю от горьких мыслей. Заглянувший в спальню дворецкий сообщил, что по поручению императора в Бельцы прибыл светлейший князь Черкасский и просит о встрече с хозяином дома.

«Я обещала папе!» – напонила себе Катя.

Она велела передать гостю, что граф очень болен и не принимает, но его дочь Екатерина Павловна встретится с посланцем императора через два часа в голубой гостиной.

Вот и пришло время выполнять свои обещания... Катя сидела рядом с отцом и не понимала, что делать дальше. Как она будет говорить с «женихом», если не может справиться с собственными тоской и отчаянием? Как собраться с мужеством? Пойти в зимний сад, посмотреть сквозь резную листву на снег за окном? Наверное, это поможет.

Сегодня в Катином убежище было светло и покойно: за стеклом клонились к земле заснеженные ветви яблонь, солнце уже зашло, но небо ещё оставалось светлым в ярких малиновых полосах.

«К морозу, что ли?» – равнодушно спросила себя Катя. Покой зимнего сада не помог. Она искала в себе хотя бы отзвук каких-то желаний, ведь ей предстояло соединить жизнь с незнакомым человеком, но ничего она не чувствовала. Вместо сердца в её груди лежал грузный и чёрный ком. Катя поглядела на закат за окном, отвернулась и пошла в гостиную навстречу своей судьбе.

Алексей мерил гостиную шагами. Он пришёл раньше назначенного времени – его гнало нетерпение. Что за сюрприз ждал его здесь?

Бельцы оказались крупным имением, дома в деревнях выглядели ухоженными, заснеженные поля – бескрайними, а сам господский дом правильнее было бы назвать дворцом. Обстановка тоже не оставляла сомнений в том, что хозяева богаты и не лишены вкуса. Похоже, что этот брак станет делом выгодным, но только что делать с собственной душой?

Черкасский вовсе не собирался коротать свои дни рядом с раздражённой и несчастной женщиной. Чтобы сделать жизнь хотя бы сносной, он надеялся сначала очаровать невесту, а потом подчинить её своей воле. О собственных чувствах Алексей не беспокоился, раз его женили насильно, он считал себя вправе сохранить былые привычки. Воплощая свой план в жизнь, на первое свидание он одевался с тщанием лондонского денди.

Чёрный фрак, накрахмаленная рубашка и белый шёлковый галстук, виртуозно завязанный камердинером-французом, оттеняли угольные глаза и кудри Алексея, а серый атласный жилет внёс в щегольский облик ноту изысканности, сделав его безупречным. Оценив своё отра-

жение в зеркале, Алексей решил, что задуманного эффекта добился, теперь хотелось, чтоб и таинственная «невеста» оценила его труды.

В коридоре раздались лёгкие шаги, лакей с поклоном распахнул дверь перед высокой тоненькой девушкой в простом чёрном платье. Голову её покрывали тёмные кружева. Девушка шла, склонив голову и глядя в пол. Выйдя на середину комнаты, она остановилась, собралась с духом и подняла на гостя блестящие светлые глаза. Алексей оторопел: перед ним стояла незнакомка, так заинтриговавшая его в церкви. Ну и ну! После стольких ударов судьбы он получил царский подарок: навязанная против воли невеста оказалась очаровательной девушкой, так поразившей его при первой встрече.

– Ваша светлость, – заговорила вошедшая, – вы прибыли к моему батюшке, но он не может вас принять. Отец очень болен, почти всё время без памяти.

На глаза девушки навернулись слёзы, и она замолчала. Всё могло получиться даже лучше, чем князь надеялся, и он взялся за дело:

– Позвольте представиться. Меня зовут Алексей Черкасский, я приехал сюда по поручению государя для того, чтобы выполнить его волю и просьбу вашего батюшки. Но в письме императора ничего не написано о моей невесте, может, вы расскажете мне о ней?

Алексей с замиранием сердца ждал слов, что невеста скоро выйдет, но девушка просто, даже как-то буднично сообщила:

– Я – дочь графа Бельского, Екатерина Павловна, и, если такова воля государя, я – ваша невеста.

Черкасский задохнулся от восторга, но теперь важно было не спугнуть невесту.

– Пожалуйста, называйте меня Алексеем, – мягко сказал он и попросил: – Позвольте поцеловать вашу руку в знак того, что мы теперь знакомы.

Девушка покраснела, но расцепила сжатые в замок руки. Он взял тоненькие пальцы, задрожавшие в его ладонях, и поцеловал. Хотя Черкасский пребывал в полном восторге, его невеста беспокоилась и руку отняла.

– Пожалуйста, проходите в столовую, – пригласила она, направляясь к двери.

Алексей последовал за девушкой, любясь её гибкой фигуркой. Он вдруг заметил, что по чёрному шёлку платья струится вниз толстая каштановая коса. Таких длинных волос Черкасскому ещё не приходилось видеть – коса спускалась ниже колен. Навязанная царём невеста была великолепна!

Огромный овальный стол сервировали на двоих. Приборы поставили ровно посередине – друг напротив друга. Алексей пододвинул стул невесте и, обойдя бесконечный овал столешницы, сел напротив. Катя кивнула слугам, и им начали подавать блюда.

– Вы извините, ваша светлость, я всё время с отцом, поэтому не знаю, что вам приготовили, – смущённо повинулась юная графиня. – Но вы не беспокойтесь, у нас очень хороший повар-француз. Папа выписал его из самого Петербурга.

При упоминании об отце на глаза девушки вновь навернулись слёзы, и, пока она их вытирала, кружевной шарф соскользнул на плечи, открыв разделённые прямым пробором каштановые волосы. Юная графиня трогательно походила на грустную Мадонну с картины Рафаэля, увиденной её женихом в Дрездене.

– Пожалуйста, зовите меня Алексеем, – вновь напомнил Черкасский. – И, поскольку мы должны пожениться, может, я тоже смогу обращаться к вам по имени? Как вас называют в семье?

Невеста заплакала. Алексей уже и не знал, что ему делать. Как её успокоить? Всепоглощающая нежность затопила сердце. Он протянул через стол руку и накрыл ладонь девушки.

– Тише, милая, не нужно плакать, время вылечит все раны, и боль затихнет.

– Меня зовут Катя. Папа не любит французских имен... Вы, наверное, можете называть меня также...

Девушка несколько раз всхлипнула, но в конце концов справилась со слезами, и Черкасский заговорил о главном:

– Катюша, ваш батюшка очень болен, но нам нужно пожениться, пока он с нами. – Князь не решился произнести слово «жив».

– Но как нам получить папино благословение – он ведь почти всё время без памяти?

– Почти? Значит, он иногда приходит в себя? – предположил Алексей. – Я могу подежурить у постели графа, а когда он очнётся, представлюсь ему и всё расскажу.

– Хорошо, после ужина мы можем пойти к нему.

Катя почти не ела, зато Черкасский оценил искусство французского повара – ужин оказался и впрямь хорош.

– Я сыт, и если вы больше ничего не хотите, то мы можем идти к вашему батюшке, – предложил Алексей.

– Я готова...

Катя привела жениха в спальню отца. На столике у изголовья горела одинокая свеча. В постели лежал крупный, но крайне исхудавший мужчина, глаза его были закрыты, дышал он часто и хрипло. Дочь привычно опустилась в кресло, стоявшее у кровати. Черкасский взял для себя стул и сел рядом. Оба долго молчали, но потом Катя не выдержала и рассказала жениху правду. Поведая, где похоронили Ольгу, она сказала:

– Теперь вы знаете, кто должна была стать вашей невестой, и, если хотите, можете забрать своё слово обратно.

– Судьба всё решила за нас, примем жизнь такой, как есть, – отозвался Алексей.

Показалось ли ему, что невеста вздохнула с облегчением?

Ближе к полуночи, граф пошевелился и попытался что-то сказать. Алексей наклонился к нему и заговорил:

– Ваше сиятельство, я – светлейший князь Алексей Черкасский, приехал сюда по повелению императора, чтобы взять в жёны вашу дочь. Клянусь беречь Екатерину Павловну и сделать всё для её счастья... Может, вы хотите что-нибудь спросить?

– Состояние... – прошептал граф, – Кате.

– Не волнуйтесь: я богат, и всё, что принадлежит Екатерине Павловне, останется в полном её распоряжении. Завтра же я составлю брачный договор, его мы подпишем до венчания.

Старый граф прикрыл глаза, Катя наклонилась к отцу, ловя его шёпот.

– Благословляю, – чуть слышно прошепел слабый голос, – свадьбу – завтра.

Больной затих. Алексей встал и, предложив руку невесте, вывел её из комнаты.

– Пойдёмте, вам нужно отдохнуть, – распорядился он. – Я хочу завтра с утра подписать брачный контракт, а в полдень обвенчаться. Кто может быть нашим свидетелем?

– Ближайшие соседи, Иваницкие, живут в получасе езды. Они всегда заверяют документы в нашей семье. Сам Александр Иванович никогда не отказывается, и его сын Петя – тоже. Их можно пригласить и на свадьбу. Дочь Иваницких, Лили, – моя подруга.

– Я сейчас же поеду к ним, представлюсь и обо всём договорюсь, – решил Алексей.

– Езжайте, а я вернусь к папе.

Девушка шагнула к дверям отцовской спальни, но Алексей остановил её.

– Можно вас попросить об одолжении? – сказал он. – Пожалуйста, наденьте на венчание обычное платье, пусть наша жизнь начнётся так же, как у всех других молодожёнов.

– Хорошо, – пообещала Катя, и слабая улыбка скользнула по её бледному лицу, сделав его прелестным, – я надена белое.

Черкасский послал слугу за Сашкой. Не прошло и пяти минут, как слуга постучал в дверь.

– Запрягай тройку, – распорядился Алексей, – поедem к соседям, Иваницким, только узнай хорошенько дорогу и возьми в проводники какого-нибудь дворового. Смотри, сейчас вечер – если опять заплутаем в метели, второй раз живыми не выйдем.

– Не беспокойтесь, барин, – успокоил его Сашка и отправился выполнять приказание.

Когда Алексей спустился вниз, кони стояли у крыльца. Рядом с Сашкой устроился закутанный в тулуп дворовый мужик. Князь сел в сани, и тройка понеслась в ночь.

На этот раз обошлось без происшествий, и сани подкатили к воротам соседней усадьбы менее чем через час. Алексей вошёл и объявил встретившему его слуге, что хотел бы побеседовать с Александром Ивановичем.

Скоро к нему вышел и сам хозяин – высокий седой человек с простодушным выражением приятного лица.

– Здравствуйте, ваша светлость. Вы меня искали? Прошу, проходите в гостиную, – пригласил он и прошёл вперёд, указывая дорогу.

Комнату жарко натопили. На распластанной медвежьей шкуре у камина стояли два глубоких кресла, обитых залоснившимся бархатом. На круглом столике в живописном беспорядке расположились графин с наливкой, тарелка с кусками пирога и блюдо с холодным мясом.

– Прошу вас, садитесь, – пригласил хозяин, – не хотите ли выпить и закусить?

– Нет, благодарю, – отказался Алексей. – Извините меня за поздний визит, но дело не терпит отлагательства. Вы знаете, что ваш сосед, граф Бельский, очень плох и может в любой момент умереть?

– Да, конечно, я это знаю.

– Екатерина Павловна сказала, что вы всегда заверяете важные документы их семьи. Я взял на себя смелость пригласить вас и ваших детей в Бельцы завтра к одиннадцати часам утра. Я просил у графа руки его дочери и получил согласие. В одиннадцать я хочу подписать брачный договор, а в полдень – обвенчаться.

– Два месяца назад я уже заверял завешание Бельского, и кому же, как не мне, сделать то же самое с брачным договором его дочери? – сказал Александр Иванович и полюбопытствовал: – Значит, выбор государя пал на вас?

Вопрос собеседника неприятно удивил Алексея.

– Вы знаете про письмо графа к императору?

– Да, все в нашей округе об этом знают, Павел Петрович и не скрывал своих намерений, – подтвердил Иваницкий. – Правда, мы, да и он сам, были уверены, что жениха найдут Ольге и титул передадут с ней. Про Катю никто и не думал, считали, что она свободно выйдет замуж, по своему разумению – многие молодые люди хотели бы жениться на ней, девица ведь не только красива, но и богата. Партия хоть куда!

– Воля императора и желание графа оставили эту честь за мной, – удивляясь собственному раздражению, отрезал Черкасский. – Александр Иванович, прошу вас приехать вместе с вашим сыном, Петром Александровичем, засвидетельствовать подписи на брачном договоре, а вашу дочь хотела бы видеть на нашей свадьбе моя невеста.

– Конечно, мы все приедем, – пообещал Иваницкий.

Алексей откланялся и отправился в обратный путь. Разговор о многочисленных претендентах на Катину руку очень ему не понравился. К тому же невеста звала молодого соседа уменьшительным именем. Мысль об этом никак не шла из головы. С чего бы это? Неужто Алексей ревновал? Вот стыдоба-то!

Вернувшись в Бельцы, Черкасский долго размышлял: написать текст брачного договора сейчас или отложить это дело на утро. Наконец он всё-таки решил лечь спать. Как любила повторять бабушка, утро вечера мудренее.

Глава восьмая

Спешная свадьба

Утро выдалось ясным. Снег искрился, иней заковал аллеи парка в волшебные кружева, а морозный воздух словно бы звенел. Ярчайшее солнце затопило комнату, отразилось в зеркалах, рассыпалось множеством крошечных радуг, позолотило шёлк Алексеевой рубашки.

Камердинер-француз виртуозно выложил на шее Черкасского складки галстука, застегнул белый жилет, а потом подал фрак.

– Очень хорошо, ваша светлость, – констатировал француз, – вы будете самым красивым женихом!

– Нет, месье, это тот случай, когда всё блекнет перед красотой невесты, – возразил Алексей и заторопился: вот-вот должны были подъехать Иваницкие.

В голубой гостиной князь появился буквально за минуту до приезда гостей. За Александром Ивановичем, наряженным ради торжества в добротный коричневый фрак, вошли его дети: красивый офицер лет двадцати пяти и совсем молодая девушка. Младший Иваницкий – голубоглазый блондин в парадном драгунском мундире – оказался очень хорош собой и держался подчеркнуто высокомерно, а его юная сестра смотрела на Алексея робко и застенчиво. Старший Иваницкий выступил вперёд:

– Ваша светлость, позвольте представить моего сына – Петра Александровича, и мою дочь – Лидию Александровну.

Черкасский поздоровался. Молодой гость отвечал односложно, глаза отводил. Несложно было догадаться, что этот драгун тоже претендовал на руку богатой наследницы. Алексей вновь вспомнил, как невеста назвала соседа Петей, и в его душе поднялось раздражение. Но тут в гостиную вошла Катя, и скверное настроение Черкасского мгновенно исчезло. Она, как и обещала, надела белое кружевное платье. Прозрачный газовый шарф покрывал её голову, косу она сегодня закрутила на макушке, и это смотрелось, как корона. Никаких украшений, даже скромных серёжек, не было. Невеста Алексея была прекрасна в своей безыскусной простоте, как сверкающий бриллиант в простой оправе.

Подумав о бриллианте, Черкасский вдруг с ужасом понял, что у него нет свадебного подарка. Хотя не совсем так – в сундуке с вещами лежал крест, эту семейную драгоценность Алексей всё время возил с собой как бабушкино благословение. Крест можно подарить Кате! Алексей так и сделает – сразу после подписания брачного договора.

Катя подошла к Иваницким, поздоровалась и уже потом повернулась к жениху. Взгляд её казался робким и застенчивым, но заговорила она спокойно:

– Я готова. Что нужно делать?

– Я сейчас зачитаю вслух брачный договор и подпишу его, затем вы всё внимательно прочтёте и подпишите со своей стороны, а потом документ проверят господа Иваницкие и удостоверят наши подписи, – объяснил Алексей. Он подошёл к столику у окна, где выложил написанный рано утром договор. Там всё было просто: светлейший князь Черкасский оставлял принадлежавшее жене имущество в её полном распоряжении. Дождавшись всеобщего внимания, Алексей предложил: – Давайте начнём.

Развернув документ, он стал читать, поглядывая при этом на присутствующих.

Катя осталась безмятежной, Иваницкие слушали внимательно, а в конце отец с сыном даже переглянулись.

– Екатерина Павловна, вам всё понятно? – спросил Алексей. – Вы согласны?

– Да, – подтвердила невеста, – я верю, что вы сделаете как лучше.

Катя так доверчиво отдавала свою судьбу ему в руки, что Черкасский мысленно поклялся разбиться в лепёшку, но сделать эту девушку счастливой.

Алексей подписал договор и протянул перо невесте. Катя, не читая, поставила свою подпись. Зато отец и сын Иваницкие придирчиво проверили документ. Наконец все подписи заняли свои места, и Алексей протянул бумагу Кате.

– Екатерина Павловна, этот договор должен храниться у вас.

Катя оставалась по-прежнему безмятежной. Что это? Непрактичность юности или слепая вера в людское благородство? В любом случае бумагу нужно хорошенько спрятать, и Алексей предложил:

– Я провожу вас, чтобы вы могли убрать документ, а потом мы снова спустимся к гостям.

По его знаку, маячившая в дверях мадам Леже, ставшая после смерти графини домоправительницей в Бельцах, привела в гостиную двух горничных с подносами. Те стали расставлять на столике бокалы с шампанским, фрукты и пирожные, а Черкасский обратился к гостям:

– Прошу, угощайтесь. Мы с Екатериной Павловной скоро вернёмся, – он взял невесту под руку, и они вышли.

Проводив невесту до её комнат, Алексей поспешил за своим подарком. Синий бархатный мешочек лежал на дне сундука. Тамара Вахтанговна давно объяснила воспитаннику, что на бархате вышито: «Благослови, Господи, Алексея, сына Нины, внука Ираклия». Посмотрев на огромный сверкающий алмаз, Черкасский с радостью понял, что именно этот подарок достоин его божественной невесты.

«Он такой же, как Катя, – чистый и великолепный».

Алексей подошёл к дверям комнаты и постучал. Невеста вышла и одарила его своей чудесной улыбкой. Алексей волновался, как мальчишка.

– Милая, мы связали себя брачным договором, а через час дадим клятвы перед Богом, – начал он, потом запнулся и, отбросив цветистые фразы, просто сказал: – Позволь мне между этими двумя событиями сделать тебе подарок уже как жене. Этим крестом дед благословил мою мать, узнав о моём рождении. – Алексей открыл мешочек, достал крест и протянул его Кате.

– Ой, как красиво! – поразила девушка. Она не могла оторвать взгляда от радужных переливов в гранях огромного камня. – Вы думаете, что я могу это носить?

Алексей, сам надел цепочку на шею невесты. Крест красиво лёг на белое кружево платья. Черкасский наклонился к Кате и легко коснулся её губ. Ох уж это искушение невинностью! Впервые Алексею горячили кровь не яркая страсть, а нежность и тонкое, как изысканный аромат, понимание: наслаждение почти доступно, оно рядом – протяни руку и возьми, а тронуть нельзя. От этого можно было сойти с ума!

«Вот уж точно, забыл обо всём на свете, – шепнула совесть, – женись сначала!»

Алексей взял невесту под руку и поторопился:

– Пойдём, милая, нас ждут в церкви.

Гости уже собрались в вестибюле. Закутав Катю в соболий мех и одевшись сам, Алексей усадил девушек в первую тройку, во вторую пригласил отца и сына Иваницких, а в третью сел сам. Кавалькада понеслась по сверкающей от инея аллее. Они должны были венчаться в той самой маленькой церкви, где Алексей впервые увидел свою прекрасную незнакомку. Ну не чудо ли?

Сегодня в церкви горели сотни свечей, а на полу вдоль иконостаса выстроились вазы с букетами роз, привезенных рано утром из оранжерей Ратманова.

«Привет от бабушки», – почему-то подумал Алексей. Конечно, розы Анастасия Илларионовна любила более всех других цветов, но уж никак не могла предполагать, что её внук украсит ими храм в день своего венчания... Или могла? Ведь бабушка знала всё...

Горничная невесты, Поленька, заговорившая с князем в памятную метельную ночь, ожидала свою хозяйку в дверях. Она протянула Кате маленький букетик из белых роз и веточек мирта.

Отец Иоанн спросил у жениха про венчальные кольца, Алексей вынул их из жилетного кармана. Служба началась. Черкасский никогда прежде не задумывался, чего ждёт от собственного венчания, но уж точно не того, что случилось на самом деле: не было ни трепета, ни возвышенного настроения, все его мысли занимала Катя. Служба обещала быть долгой, а его невеста очень ослабела. Выдержит ли? И ещё его раздражало то, что венец над Катиной головой держит Пётр Иваницкий. Конечно, это было глупо и даже унизительно, но Алексей так и не смог справиться с ревностью. Он отвечал на вопросы, повторял нужные слова, но делал это механически, очень надеясь, что никто об этом не догадается.

Отец Иоанн повёл брачующихся вокруг аналая. Алексей почувствовал, как дрогнула рука невесты в его пальцах, и испугался, что измученная Катя сейчас упадёт, но её лицо было спокойным и просветлённым, и на вопросительный взгляд жениха она ответила чуть заметным кивком.

Интригующее открытие, что его жена не только красива и нежна, но ещё и обладает силой духа, удивило Алексея. И он с любопытством спросил себя, какие ещё сюрпризы ждут его в новой семейной жизни.

Наконец венчание завершилось, и Алексей, наклонившись, легко поцеловал тёплые губы жены. Немногочисленные гости принесли свои поздравления, и маленькая группа, рассевшись по тройкам, отправилась в обратный путь.

Оставив гостей угощаться шампанским, молодожёны поднялись к старому графу.

Катя нагнулась к отцу и тихо его окликнула. Бельский был в сознании.

– Я ждал, – сквозь хрипы выговорил он.

– Папа, мы обвенчались и подписали брачный договор, – сказала Катя.

– Я отказался от приданого и любого имущества жены, – добавил Алексей.

Граф устало прикрыл глаза, Катя вдруг ощутила, что отец сжал её пальцы и потянул к себе. Она наклонилась ниже.

– Девочка моя. – Голос звучал так слабо, что дочери пришлось прижаться ухом к губам старого графа. – Благословляю тебя, помни, что...

Больной сделал большую паузу, и Катя уже подумала, что он впал в забытье, но глаза графа вновь приоткрылись, и опять зашелестел слабый голос:

– Возьми медальон под моей подушкой... носи его всегда с собой...

Катя протянула руку и что-то нащупала в изголовье кровати. Достав, она сразу узнала медальон своей матери с миниатюрными портретами супругов Бельских. Отец зашептал вновь:

– Поезжай в Петербург к Штерну, покажешь медальон, он все устроит... Ты поняла?

– Да, папа!

Граф устало закрыл глаза и попросил:

– Отца Иоанна пришлите, а сами идите, празднуйте.

Алексей и Катя послушно вышли. После полутьмы графской спальни солнечный свет, бьющий в окна, ослепил их обоих. На Катини глаза навернулись слёзы. От солнца или от горя? Алексей взял руку жены. На её безымянном пальце блесло кольцо. Он поцеловал этот гладкий ободок, а потом тёплую ладошку. Как же не хотелось никуда идти! Но внизу молодожёнов заждались соседи, да и графа нельзя было оставлять надолго.

– Катюша, давай угостим Иваницких свадебным завтраком, а потом ты, если захочешь, можешь вернуться к отцу, – предложил Алексей.

– Как скажете! Папа рад, что мы поженились, он благословил нас и мамин медальон подарил.

Катя открыла золотую крышку и полюбовалась на портреты родителей, а потом спрятала подарок в карман. Алексей взял жену под руку, повёл к гостям.

Гостей Черкасские нашли в голубой гостиной. Мужчины дружно выпивали, а Лили с восторгом обсуждала новое украшение невесты. Увидев молодожёнов, она бросилась к подруге.

– Катя, ты никогда не говорила, что у вас семье есть такой изумительный алмаз! – воскликнула она.

– Его мне подарил муж...

– Крест – фамильная драгоценность нашего рода, – пояснил Черкасский. – Мне показалось, что алмаз похож на мою невесту, такой же чистый и прекрасный.

– И на него можно купить не только это имение, но ещё и наше, и все другие в этом уезде, – засмеялся Александр Иванович. – Щедрый подарок!

Замечание было бестактным, но Черкасский решил промолчать. Не портить же собственную свадьбу из-за такой ерунды! К счастью, других разочарований не было, и свадебный завтрак удался на славу. Проводив гостей, Алексей подвёл свою жену к дверям графской спальни, откуда недавно ушёл батюшка, соборовавший больного, и попросил:

– Пожалуйста, выйди к ужину в семь часов, я буду тебя ждать.

– Хорошо, – пообещала Катя и скрылась за дверью.

Катя боялась, что отец больше не очнётся, но граф пошевелился и позвал её. Слова умирающего были почти неразличимы, и дочери пришлось их угадывать.

– Доченька, ты скоро станешь очень богатой... Мои деньги лежат в банках Вены и Лондона, всего около миллиона золотом, а в медальоне спрятаны номера счетов и их ключи... Штерн всё для тебя устроит. Береги себя, ты последняя из нашей семьи, роди моего внука, сохрани род...

Отец слабо пожал руку Кати и закрыл глаза. Как тяжело он дышал! Это уже напоминало агонию.

К ужину Катя не вышла, она просидела у кровати отца почти всю ночь. Алексей заходил, предлагая сменить её, но ответ был один: «Не нужно». Катя больше не плакала, а только молилась. Перед рассветом граф в последний раз вздохнул, сжал руку дочери, и в Бельцы вновь пришла смерть.

Глава девятая

Завещание

В Бельцы Щеглов ехал в пресквернейшем расположении духа. Ситуация казалась зыбкой, ясности не было ни в чём, кроме одного: поручик знал, что не должен провалить дело. Но как действовать? Куда бежать? Накануне князь Ромодановский вызвал своего нового порученца и откровенно с ним поговорил:

– Ну, вот, Петруша, и настал твой час! Граф Бельский скончался, завтра похороны. А ведь всё сложилось, как ты и предсказывал. Что ты тогда сказал? Что злоумышленник может подобраться к богатствам этого семейства лишь через брак с наследницей? Можешь гордиться – всё сбылось. Дочка вышла замуж всего лишь за несколько часов до смерти батюшки. Вот ведь какие дела! Так что поезжай в Бельцы, будешь представлять меня на похоронах Павла Петровича. – Генерал-губернатор вздохнул и признался: – Я, право, опечален: граф крепким хозяином был, таких ещё поискать. Но твоя задача – не вздыхать над гробом, а разгадать, у кого в этом преступлении есть мотив и возможность.

Щеглов не ожидал, что события будут развиваться столь стремительно. Сколько же времени прошло со дня его визита в Бельцы? Двух недель ещё нет, а положение вещей изменилось до неузнаваемости. Так кто же дёргает за ниточки в этой скверной истории? Даже страшно представить, что юная наследница с лицом усталого ангела замешана в кровавых злодеяниях против собственной семьи. А если не она, то кто? Но генерал-губернатор прав, сейчас – тот самый момент, когда можно ухватиться за кончик нити, ведущей к преступнику или преступникам. Мотив и возможность – вот то, что нужно искать.

– Я разберусь, ваше высокопревосходительство! – пообещал Щеглов.

Однако хвастаться оказалось легче, чем выполнить обещанное.

Солнце ещё не встало над горизонтом, а поручик уже отбыл в Бельцы. Он собирался попасть в дом пораньше, ещё до того, как съедутся гости, хотел присмотреться к наследникам. Но Щеглова опередили: в доме уже собрались соседи из ближайших поместий, а вместе с поручиком подъехали ещё несколько визитёров. Пётр с удивлением заметил среди гостей и собственного тестя. Впрочем, это оказалось даже к лучшему, ведь Щеглов здесь никого не знал, а тесть мог познакомить его с нужными людьми. Щеглов поспешил к своему Ивану Давыдовичу.

– И ты здесь, Петруша? – удивился тесть. – Ты ведь покойника вроде не знал...

– Я представляю на похоронах генерал-губернатора, – отозвался Щеглов. Он решил ковать железо, пока горячо, и стал потихоньку задавать вопросы:

– Вы слышали, что младшая дочь успела обвенчаться за несколько часов до смерти отца?

Надежды на известную всему свету болтливость тестя полностью оправдались – Ивану Давыдовичу всегда требовались слушатели, не стал исключением и этот раз.

– Как же, романтическая история! – Старик расплылся в улыбке и тут же пустился в подробности: – Катюша вышла замуж, и не по своей воле, а чтобы отцу угодить. Павел Петрович как слёг, так письмо государю отправил, чтобы самодержец титул его разрешил по женской линии передать. Род ведь сохранить нужно? Сам понимаешь, что это – долг святой. Вот граф и попросил за дочь. Весь уезд знал об этом его решении, правда, все думали, что жениха найдут Ольге, но тут уж как Бог решил. Одна теперь дочка у Павла Петровича – ей жених и достался.

– Так жениха прислал государь? – изображая удивление, переспросил Щеглов, уже знавший об этом факте из найденного под снегом письма. – И кто же этот счастливец?

– Говорят, важная шишка. Титул у него – почетнее не бывает: светлейший князь, фамилия Черкасский. Да у него в нашей губернии большое поместье есть. Семейство это из самых богатых, а жених – единственный наследник. Так что правду говорят: «деньги к деньгам».

Поручик мысленно с ним согласился: у самого тестя денег не было, поэтому ему и достался бедный зять – Щеглов. Сразу вспомнились Маша с Мишенькой, предстоящая им поездка на воды и вечный вопрос, где достать денег. Щеглов даже головой мотнул, отгоняя невесёлые мысли. Нечего дразнить судьбу и желать невозможного! Им и так повезло – жалование хорошее, даст Бог – поднакопятся средства, нужно лишь потерпеть. Стараясь вернуться к прежнему настрою, поручик спросил у тестя:

– Так что же жених после Бельского унаследовал?

– Ты не поверишь, лишь титул! Присоединит его к своему. Черкасский отказался от всего имущества. Они с женой брачный договор подписали, там всё – чёрным по белому, что он даже приданое не берёт. Первый раз о таком слышу!

– Странно, – удивился Щеглов, – а вы ничего не путаете?

Иван Давыдович от проявленного к его персоне недоверия вроде обиделся, но потом махнул рукой на неучтивость своего непутёвого зятя и объяснил:

– Не сомневайся, так оно и есть, мне рассказывал старший Иваницкий. Вон видишь, он рядом с сыном у правой колонны стоит. Они оба заверяли брачный договор, а потом на свадьбе присутствовали.

Вдруг, изумив Щеглова, тесть засмеялся. Что же так развеселило Ивана Давыдовича на похоронах? Мучиться сомнениями поручику не пришлось – тесть сам всё объяснил:

– Посмотри на своего тёзку – Петьку Иваницкого! Видишь, какой смазливенький? Он сам хотел на Кате жениться, с малолетства её выхаживал, других кавалеров отгонял. Весь уезд над ним потешался. Все знали, что покойная графиня его на дух не переносила и никогда бы за него дочку не отдала. Но Петьку, раз уж он на такой куш замахнулся, уже и чёрт не остановил бы. Я так думаю, он всё равно Катю получил бы. Даже увёз бы, коли надо. После смерти графини Петька так взволновался! Даже отпуск в полку взял, сюда прилетел. Если б не смерть Ольги, он дождался бы кончины графа и женился бы на Кате. А теперь что? Государев приказ не оспоришь. Остались Иваницкие с пустыми карманами!

Интересная получалась история. Щеглов присмотрелся к своему невезучему тёзке. Тесть назвал драгуна смазливеньким, но это было несправедливо. Молодой Иваницкий оказался писанным красавцем, такому ничего не стоило завоевать женское сердце. Может, покойная графиня разглядела в соседском сыне ловкого альфонса, поэтому и не хотела для дочки такого жениха? И какие же резоны у Петра Иваницкого: любовь или выгода?

– А чем молодой Иваницкий покойной графине так не нравился? – спросил Щеглов у тестя.

– Так ведь все знают, что их имение заложено-перезаложено. Графиня подозревала соседей в корысти. Да и все так считали, – пожал плечами Иван Давыдович и тут же толкнул зятя локтем в бок: – Смотри, вон новоиспечённый граф Бельский идет... А Катя-то совсем плоха, прямо висит на его руках.

Тесть был прав. Худенькая девушка в чёрном совсем истаяла. Белая как снег, она полулежала головой на плече мужа, а на ногах держалась лишь потому, что Черкасский крепко её обнимал. Новобрачные спустились к подножью лестницы.

– Пойдём, Петруша, нужно принести соболезнования, а потом вместе в церковь поедem, – поторопил Щеглова тесть, а сам стал протискиваться сквозь толпу.

Пётр двинулся за ним, но приотстал так, чтобы встать рядом с отцом и сыном Иваницкими. Те не обращали на Щеглова внимания, и он смог беспрепятственно за ними понаблюдать. Отец держался спокойно и с достоинством, зато сын, похоже, не находил себе места. Крылья его точёного римского носа раздувались от волнения, а глаза горели, и, самое главное, Иваницкий-младший не мог оторвать взгляда от полуобморочной наследницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.